

АМЪЕН.
ДОЧЬ
ЮВЕЛИРА

The image shows a deep blue book cover with intricate gold-embossed designs. At the top, a central panel depicts a crowned figure, possibly a saint or monarch, flanked by symmetrical floral and foliate motifs. Below this is a wide, decorative border composed of repeating scrollwork, leaves, and small floral elements. In the center of the cover is a rectangular panel with a double-line gold border. Inside this panel, the title is written in a stylized, gold-colored Cyrillic font. At the bottom of the central panel, there is a small decorative element featuring two birds facing each other with a leafy branch between them. The entire cover is framed by a final, slightly irregular gold border.

Елена Верховская

Амьен. Дочь ювелира

<https://litres.ru/74180238>

SelfPub; 2026

Аннотация

В первой книге трилогии о приключениях Амьен главная героиня станет хранителем тайн, поступит в Школу высоких искусств и с помощью новых друзей разгадает тайну замка Ангелов. С этого момента жизнь Амьен наполнилась загадочными событиями. Впереди её ждут таинственные и захватывающие приключения, новые друзья, первая любовь и битва со злом, в которой девушка просто обязана победить.

Содержание

АЙЛЕНДХАУЗ. ДЕТСТВО НА БЕРЕГУ МОРЯ	5
МОРСКАЯ БУРЯ	15
НОРДБРИДЖ. ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ И ПЕРВЫЕ ВРАГИ	24
СТАРЫЙ МАСТЕР	37
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ	44
МАСТЕРСКАЯ СТАРОГО ЮВЕЛИРА	54
БУДНИ ДОМА И В ШКОЛЕ	60
ПЕРВОЕ ЧУДО САПФИРЫ	67
ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА АМЬЕН	78
АКАДЕМИЯ ВЫСОКИХ ИСКУССТВ	82
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Елена Верховская

Амьен. Дочь ювелира

В начале всех времен ангелам была дана великая сила спасать людей. Некоторых избранных они отмечают своим знаком. Когда ангел делится своей силой с человеком, то он за него в ответе. Такой человек становится почти таким же сильным, как и ангел. Если человек оступится, ангелу больно. Но если человек творит добро, то сила ангела возрастает и зла на земле становится меньше. К сожалению, иногда ангелы ошибаются, потому что человек слаб. И только великая сила любви может опять поставить человека на одну ступень с высшими небесными воинами.

АЙЛЕНДХАУЗ. ДЕТСТВО НА БЕРЕГУ МОРЯ

Сколько Амьен себя помнила, рядом с ней всегда было море. Настоящее скандинавское, окрашивающее весь мир вокруг в свои любимые цвета и оттенки — лазурное ранним утром, белесое в жаркий полдень и серебристо-серое, почти стальное в сумерках.

Просыпаясь, она еще из кровати бросала взгляд в окно. И они с морем негласно приветствовали друг друга и новый день радостной улыбкой. Девочка широко улыбалась и видела, как море улыбается ей в ответ всеми своими пенными волнами. Амьен чувствовала его настроение — когда море сердилось, или наоборот безмятежно играло в прибрежной полосе песка. Лишь иногда, в преддверии утренней зари его поверхность была спокойна, как гладь блестящего зеркала. Но уже с первыми лучами солнца море начинало свой стремительный разбег, и к вечеру брызги волн почти долетали до окна их домика.

Это были самые лучшие минуты наступающего дня, когда можно нежиться в постели под яркими лучами солнца и говорить с морем на своем, понятном только им двоим языке. Но счастье это заканчивалось очень быстро. Из кухни доно-

сился аромат завтрака и слышался грохот жестяной посуды, которой гремела мать. Казалось, что она разговаривает с жестянками так же, как Амьен с морем, но беседа эта больше походила на ссору. Бууммс. Вжжжик. Хрррясь. Бддджжж. И уже Эльза обращается к Амьен, стараясь перекрычать расшумевшуюся кухонную утварь:

— Амьен, быстро вниз! Мне уже пора уходить. Спускайся скорее!

Девочка потягиваясь скатывается к краю кровати, но все еще медлит. Когда мать уйдет на работу, можно будет опять забраться в постель, но это будет уже не так сладко, как сейчас. И тотчас раздается крик уже почти у самой двери:

— Амьен! Сколько можно тебе повторять?

Дверь распахивается, и на пороге появляется мать, Эльза Свенсон. Она похожа на королеву, которая величественно оглядывает своих подчиненных, раздражаясь от их неумения выполнить царский приказ. Высокая, со светлыми льняными волосами, зачесанными наверх и безжалостно убранными косами в корону на голове. При виде ребенка, лежащего в постели, ее губы плотно сжимаются. Кажется, что светло-синие льдинки глаза смотрят холодно и жестко, но Амьен знает, что это не так. Мама добрая, просто она очень, очень много работает и страшно устает. А еще она переживает за нее, оставляя на целый день одну дома. Поэтому сердится на себя. Но человек не может сам на себя кричать, поэтому досада срыгается на Амьен.

Как-то раз лежа в постели вечером в своей комнате, Амьен слышала, как мама говорила зашедшей к ним соседке, что Амьен растет ужасно непослушным ребенком. Вольным, как морские волны. Даже ее волосы не держались в косах, которые ей заплетают каждое утро. Уже через пару минут они выются кудрями и выбиваются из аккуратной строгой прически, которая как раз и отличает послушную девочку от непослушной.

Все эти мысли мигом пролетают в ее голове, и не успевает мама раскрыть рот, чтобы разразиться очередной тирадой, как девочка быстро спрыгивает с постели и, прихрамывая на левую ножку, бежит к двери и через миг уже висит на шее у матери. Заглядывая ей прямо в глаза, она шепчет:

— Сегодня будет какое-то чудо... Я это знаю!

Мать пытается поставить девочку на пол и призвать ее к порядку, но не может справиться. Та, как обезьянка, снова хватая ее то за голову, то за руки или за ноги, и не дает ей уйти. Наконец Эльза сдается и начинает смеяться вместе с ребенком:

— Глупая, пусти! Я же опоздаю на паром — и тогда прощай моя работа. Давай лучше вечером поиграем?

Но девочка продолжает цепляться, уже, правда, не так настойчиво, и качая головой отвечает, растягивая слова:

— Нееет, вееееечером это не то.

Мама улыбается, садится на кровать. Амьен тут же уютно устраивается у нее на коленях. Обе прижимаются друг к

другу, задумавшись каждая о своем.

Внезапно слышится свисток парома, оповещающего всех жителей Айлендхауза, что через пару минут он покинет свое пристанище. Амьен испуганно вздрагивает и кубарем скачивается с материнских колен, теперь уже сама подталкивая мать к выходу:

— Мама, иди скорее, а то он уплывет и Грозный Сэм опять будет на тебя ругаться!

Мать треплет ее по волосам и, чмокнув в нос, стремительно поднимается:

— Веди себя хорошо! Завтрак на столе, а обед я оставила в шкафу. Я попросила Филу зайти к тебе днем и помочь подогреть. И, Богом тебя прошу, обещай мне не выходить дальше нашего квартала — тут тебя все знают, и никто не обидит. А люди ведь разные могут встретиться. Обещаешь?

Амьен кивает и, сдвинув незаметно пальцы на левой руке крестиком, отвечает тоном пай-девочки:

— Конечно, мама. Ты только не волнуйся за меня, я уже взрослая!

Мать, не веря ей, качает головой с улыбкой и выбегает из дома, уже на ходу накидывая на голову платок. Конечно, не дело оставлять семилетнюю девочку совсем одну на целый день. Но выбирать не приходится — с работой сейчас совсем туго. А уж та работа, которая приносит хоть какие-то деньги, есть только в крупных городах. Сейчас ей повезло, и она устроилась поваром в доме бургомистра в соседнем городе

Нордбридж. Эльза бежит вниз по переулку, выскакивает на набережную, еще несколько метров и в последний момент успевает вскочить на трап. В это время паром дает последний гулкий гудок и начинает медленно отчаливать от пристани. С облегчением от того что успела, она наконец переводит дух. Впереди долгий рабочий день, домой она вернется затемно, когда Амьен уже будет спать. И ей останется лишь тихонько поцеловать ее в разгоряченный лоб. И так день за днем.

Но она не жалуется, если вы могли так подумать. Совсем нет. Ведь главное, что они с Амьен живы, здоровы и счастливы. И уже столько лет их никто не пытался разыскать в Айлендхаузе. Хотя, лучше вообще об этом не думать и поскорее выкинуть все мысли о прошлом из головы. Дорога на пароме занимает чуть больше часа. Эльза даже успевает довязать варежки для дочери, которые она подарит на день рождения. Денег катастрофически не хватает, несмотря на то что работать ей приходится с утра и до поздней ночи. Поэтому подарками служат те необходимые в быту вещи, которые и так пришлось бы покупать уже подростковой девочке.

Амьен живет в небольшом приморском городке Айлендхауз, расположенном на крошечном скалистом полуострове посреди Северного моря. Кроме красивого и звонкого названия, этот город больше ничем не примечателен. Светлые северные краски, пустынные улицы и блеклые лица людей. Ее мать, Эльза Свенсон, сама родом из Айлендхауза. Когда-то

давным-давно, когда она была совсем молодой, она решила изменить свою судьбу, уехала на большую землю и поклялась никогда не возвращаться в этот ледяной край. Но жизнь рассудила иначе, и Амьен, как и ее мать, впервые огласила наш мир своим криком именно в этом маленьком захолустном городке на краю света. Беременность и роды у Эльзы были очень тяжелыми. Несчастливая женщина промучилась два дня, пытаясь дать жизнь ребенку. Наконец, соседка несмотря на протесты повивальной бабки, утверждавшей, что все идет, как положено, вызвала местного доктора. Тот угрюмо выставил всех из комнаты и как-то заставил Эльзу, находившуюся в полуобмороке, собраться с последними силами. То ли так тому было суждено, то ли лекарь был мастером своего дела. Но в канун светлого праздника Рождества Эльза наконец родила дочь. Девочка была очень слаба и мала, чуть больше двух килограммов. К тому же при рождении ей повредили левую ногу. Повитуха ворчала, что это дело рук вмешавшегося врача. Дескать, если бы слушали ее, то с ребенком все было бы в порядке.

Врач зашел через несколько дней, осмотрел молодую мать и сказал свое веское слово:

— Девочка ваша выжила буквально чудом. А травма ноги у нее врожденная. Можно немного подлечить, но хромать она будет всю жизнь.

Когда Амьен подросла, Эльза, не поверив словам местного эскулапа, начала возить ее и к умным профессорам, и

к бабкам- знахаркам. Те исправно брали деньги, делали какие-то манипуляции, иногда даже болезненные. Но проблемы это не решило. Амьен по-прежнему прихрамывала на левую ногу, которая была чуть короче правой. Правда, саму девочку это нисколько не тревожило. Она научилась бегать и прыгать лучше всех ребят в своем дворе, так что со временем даже те глупые мальчишки, что поначалу дразнили ее хромоножка, уже давно замолчали и стали ее лучшими друзьями.

Чаще всего после ухода матери на работу Амьен предавалась мечтам, в которых она с самого раннего возраста, сколько себя помнила, придумывала и строила самые разные дома. Это были величественные соборы, наполненные светом. Или роскошные дворцы, с многочисленными залами, один краше другого. А иногда это были крошечные, но ужасно уютные здания — кафе для друзей, домик для старой семейной пары или уютный дом с тенистым садом для большой и дружной семьи, в которой есть не только мама и дочка, но еще бабушка, дедушка, сестры и братья. А главное — отец.

Они с матерью никогда не говорили об этом. Только однажды, когда мать пришла домой раньше обычного, Амьен набралась смелости и решилась задать мучавший ее вопрос о том, кто ее отец. Они с Эльзой только легли спать и их окружала темнота, так что не было заметно волнения девочки. Мать промолчала, но по тому, как напряглась ее рука, обнимавшая дочь, та поняла, что тема эта запретная и обсужде-

нию не подлежит. Однако почти во всех своих мечтах и занятиях она часто обращалась к своему отцу, образ которого был нарисован не так четко, как продуманные до мелочей здания, но который она чувствовала всем сердцем и знала, что ему могло бы понравиться, а что он бы не принял и осудил со всей строгостью, как это полагается мужчине в патриархальной семье. Про маму она чувствовала уже давно, что несмотря на внешнюю строгость, она всегда примет и поддержит свою непослушную дочь.

НЕДРЕМЛЮЩИЕ В ЗАМКЕ АНГЕЛА

В это время в ночь весеннего полнолуния на дальнем берегу Франции в старинном замке семьи Готье впервые за долгие годы зажглись огни в бальной зале. На массивном черном мраморном постаменте в центре зала была разложена толстая книга. Рядом с ней стоял котел с бурлящей черной смолой, издающей тлетворный запах. По всей комнате горели черные свечи в шестигранных подсвечниках. В центре комнаты собрались все три хозяйки этого дома. Они были одеты в алые длинные мантии, украшенные сверкающими бриллиантами.

Старшая из них стояла в центре прямо перед котлом. Она была самого маленького роста. Сухенькая старушка с небольшим горбом, опирающаяся на крепкую трость. На плече у нее висела горжетка из норки, посверкивающая чер-

ным глазом-агатом. При резком повороте в свете свечей казалось, что зверек живой.

Средняя была толще всех. Ее пухлые пальцы вытаскивали из мешка какие-то пахучие травы. Она подавала их старшей сестре. Та отщипывала их понемногу и бросала в котел, помешивая бурлящую и вспенившуюся жидкость крючковой ложкой.

Младшая была самой высокой и худой. Как иссохшая жердь, она согнулась над столом и, прищулив подслеповатые глаза, водила скрюченным пальцем по страницам книги и неразборчиво бормотала себе под нос какие-то заклинания.

Наконец последний ингредиент был опущен в это черное варево. Все трое вскинули руки над головой и произнесли на непонятном языке призыв темных сил. В то же мгновение свечи задрожали и погасли. По залу пронесся порыв холодного ветра. Со всех сторон слышалось завывание. Гладь бурлящей поверхности котла засеребрилась и вверх поднялся сноп сверкающих черными блесками искр и рассеялся фейерверком по комнате. Отовсюду и ниоткуда слышался утробный голос:

— Вызвавшие Заклятие тьмы. Спрашивайте!

Старшая сестра отступила на шаг и, глядя в темноту, согнулась в низком поклоне. Скрипучим голосом подобострастно спросила:

— О великий Темный! Мы потревожили тебя впервые, но тому есть оправдание. Несколько лет мы не можем найти

нашего брата. Он покинул замок, взяв с собой две семейные реликвии. Мы испробовали все человеческие и магические способы, чтобы найти его след. Но он как будто испарился. Помогите нам, о великий Темный, найти след наследника из рода Готье!

Бурлящая поверхность разгладилась и превратилась в зеркальную гладь. Она дрогнула и появилось изображение. Седой старик прихрамывая шел по узкой улочке. Над ним вились чайки, вдалеке поднималась легкая дымка Северного моря. Корабль на пристани покачивался на волнах, мешая прочитать белую надпись на небольшой каменной постройке на самом берегу. Но вот волна толкнула корабль глубже в море, и название открылось полностью: «*Айлендхауз*».

Видение погасло и раздался голос:

— Кровь наследника рода Готье будет платой за беспокойство. Жертва ожидается до истечения этого дня.

В этот момент по залу опять прокатился порыв холодного завывающего ветра, в котором звучал демонический хохот. И на замок опустились полная темнота и тишина.

Старуха все еще стояла в поклоне:

— Благодарим тебя, о великий Темный.

А средняя старуха прошептала, сжимая в кулак руку:

— Что же, наконец настал час расплаты!

МОРСКАЯ БУРЯ

В тот самый день, который переменял судьбу Амьен и ее матери, хотя они еще об этом не догадывались, внезапный стук в дверь прервал размышления девочки. Уже через минуту, не дожидаясь ответа, в комнату заглянула соседка Филиппа, которую с легкой руки Амьен все в округе называли Фила. Ее лошадиное лицо почти никогда не улыбалось, но девочка знала, что добрее этой старушки никого не сыскать. Эльза была уверена, что во время ее отсутствия та с радостью позаботится о ребенке, накормит, прочитает сказку и проследит по мере сил, чтобы девочка не натворила чего плохого, а этого можно было легко ожидать от непоседливой малышки. Если бы Эльза знала, что Амьен уже умеет ускользать от Филы, то она вряд ли с такой легкостью оставляла бы девочку одну.

После ухода матери она какое-то время еще повалялась в кровати, но очень скоро яркое солнце и шум волн заставили ее пулей выскочить из пижамы, надеть сарафан и помчаться на улицу. Прямо перед выходом ее перехватила Фила, заставила выпить молока с куском душистого белого хлеба, и только после этого отпустила. Обычно она везде сопровождала малышку, но сегодня ей надо было закончить срочный заказ по шитью крестильного платья. Поэтому она разреши-

ла девочке идти гулять одной, но строго-настрого запретила Амьен уходить далеко от причала. Покосившийся пирс был хорошо виден из окна их дома и там всегда был кто-то из немногочисленных жителей Айлендхауса, знавших друг друга в лицо.

Амьен бежала по улице, здороваясь с прохожими. Впопыхах она наскочила на клетчатую юбку, облегающую угловатые ноги ее хозяйки. И тут же послышался скрипучий голос соседки Рози Лонкис, скандальной старухи:

— Смотреть надо, куда идешь!

— Ой, мисс Рози, простите меня!

Она уже приготовилась к лекции о пользе хороших манер, которую обычно Рози Лонкис готова была читать по поводу и без. Но к ее удивлению, женщина отвернулась и гордо прошествовала вперед, надменно вскинув голову и пожевывая губами как старая кляча, побряхтывая себе под нос:

— Нарожали, а воспитывать опять некому.

Но Амьен уже не слушала болтовню вредной старухи, а вприпрыжку бежала дальше. На берегу уже стояли причалившие после утренней рыбалки ветхие деревянные лодки, навсегда пропахшие морем и рыбой. Старина Франк, живший в небольшой лачуге на соседней улице, разгружал выдавшую виды барку. На борту неказистой посуды было выведено поблекшей от времени серебрянкой название «Блестящая», так не вязавшееся с внешним видом своей обладательницы. Франк улыбнулся поздоровавшейся с ним Амьен

и протянул ей розовую ракушку, найденную в сетях среди добычи. Амьен было жалко бьющихся на солнце серебряных рыбок. Она не стала задерживаться здесь, а пошла дальше вдоль берега.

После вчерашнего шторма мокрый песок был тут и там покрыт самыми разными разностями. Взрослые сказали бы — мусором. Помимо кружевных водорослей, здесь валялись ветки деревьев, сверкающие на солнце изумрудные осколки бутылочного стекла, блестящие и матовые обертки от конфет и много чего еще. Амьен забралась в расщелину между скал и перед ее глазами открылась маленькая бухта. Девочка вытащила спрятанную за камнем палку и приступила к своему самому любимому занятию. Каждый раз, когда ей удавалось одной прийти в эту спрятанную от людских глаз бухту, она строила сказочный замок.

Чаше всего ей удавалось построить одну или несколько башен задуманного огромного здания. Но разбушевавшееся море рушило высокую песочную конструкцию и сводило все ее усилия на нет. Однако иногда в дни полного штиля ей удавалось возвести широкие крепостные стены, дозорную башню и направляющий корабли маяк, бальную залу для королевских приемов и башню придворного звездочета. Пока она строила, вместе со стенами рождались истории. Королей и принцесс, придворных рыцарей и великих героев, живших в замке в разные времена и побеждавших злых драконов, могущественных колдунов и таинственных призраков.

В тот день она увлеклась игрой и не заметила резкого изменения погоды. Откуда-то налетел ураганный ветер, мгновенно нагнавший мрачные тучи, заставившие потемнеть лазурное небо. Свинцовые облака уже раскалывались от вспышек огненных молний, смерч завывал как взбесившийся в полнолуние оборотень. Но девочка ничего не замечала, скрытая от непогоды скалистыми берегами ущелья.

Вдруг высокая волна накрыла ее с головой. Если бы не больная нога, Амьен смогла бы отпрыгнуть подальше на берег. Но она неуклюже зацепилась, и упала. Последнее, что она увидела, была очередная налетевшая волна, еще больше прежней. Она смела замок и увлекла ее за собой в море. Амьен закричала и тут же захлебнулась соленой водой. Скалы бухты, служившие ей раньше укрытием, теперь представляли смертельную опасность — волны кидали ее к берегу, грозя ударить об острые камни. Высокая волна подняла ее на своем гребне, и девочка на минуту потеряла сознание. В последний момент до этого она уцепилась за какую-то деревянную балку, случайно очутившуюся рядом с ней.

Амьен пришла в себя от холода, но берега уже не было видно. Волны отнесли ее далеко в море.

— Помогите, на помощь! — она продолжала кричать, особо не надеясь, что ее кто-то услышит. Какая-то светлая фигура мелькнула рядом с ней в воде. Это было последнее, что увидела Амьен прежде, чем опять потерять сознание.

Амьен очнулась, когда сильная волна опять ударила ее

обо что-то твердое, и от неожиданности закричала, рискуя снова захлебнуться. Но чьи-то сильные руки схватили ее и подняли в воздух. Волосы прилипли к лицу и мешали смотреть. Однако что-то могучее влекло ее вперед, поддерживая над морскими волнами, чтобы она не наглоталась воды. Впереди мелькнул силуэт лодки с едва читающимися в этой крошечной тьме буквами. Неужели сейчас какой-то безумец вышел в море? С трудом она разобрала надпись на барке Блестящая. Неведомая сила, вырвавшая ее из водяной воронки, толкнула Амьен к лодке. Зацепившись двумя руками за борт, она закричала с новой силой:

— Кто-нибудь, на помощь!

Темная фигура, которая безуспешно пыталась справиться с парусом обернулась и, вскрикнув, бросилась ей на помощь. Как оказалось, старый Франк был так же, как и она, захвачен внезапной бурей. Он уже который раз проклинал себя за то, что позарившись на богатую утреннюю добычу, вопреки своим правилам решил отправиться сегодня в море опять. И это несмотря на сгустившиеся на горизонте тучи! Однако, судя по неожиданной встрече с Амьен, не кто иной, как ее небесный заступник направил его сегодня второй раз в море.

Франк помог ей забраться на свой баркас, отнес к рубке и накинул поношенную накидку, чтобы защитить девочку от пронизывающего ветра. Лодку кидало из стороны в сторону, и старый рыбак, убедившись, что с Амьен все в относительном порядке, бросился обратно к парусу. Наконец он чу-

дом распутал ткань, уложив ее на дно лодки. Штормило уже меньше, и теперь он уверенно повел свою дряхлую посудину к берегу.

У Амьен от холода зуб не попадал на зуб. Девочка закуталась посильнее и вдруг нащупала какую-то помеху. Что-то укололо и защекотало ее в шею. Тихонько выпростав руку из своего укрытия, она вытащила из-под накидки большое белоснежное перо с нежными пушинками, развевающимися на ветру. Откуда оно взялось? Отчего-то эта находка казалось ей связанной очень даже крепко с тем самым чудом, которым она смогла спастись во время бури.

Через несколько минут они уже были у берега. Франк помог Амьен выбраться на сушу и донес ее до дома. Филадельфия только руками всплеснула при виде девочки. Она с причитаниями бросилась кипятить чай и растирать продрогшего ребенка сухими полотенцами. Старая женщина с ног сбилась в поисках девочки, которая вышла погулять на несколько минут и пропадала уже как несколько часов. Да еще в такую страшную непогоду.

Через полчаса разомлевшая от тепла Амьен, завернутая в теплый плед, пила чай с малиновым вареньем. Она слушала сквозь дрему, как Филадельфия плачет и выговаривает ей за ее безрассудство. Скоро глаза ее начали слипаться, веки отяжелели. И она крепко уснула, зажав в руке высохшее серебрящееся перышко. Ей снилось, что она плывет по волнам моря или по облакам в небе рядом с каким-то светлым созданием,

охраняющим ее своими широкими крыльями.

Франк посидел еще какое-то время, когда Амьен уже спала. После холодной воды совсем не хотелось покидать эту теплую уютную кухню. Да и Филя заботливо хлопотала вокруг него, то подливая горячего чая, то подкладывая новые куски свежеиспеченного пирога.

— Нет, ну как я матери ее скажу, что ребенок в море оказался во время шторма? — не могла успокоиться соседка.

Франк, разморенный теплом и едой, вторил ей свою песню:

— Ну как же я, старый дурак, отправился в море? Ведь видел же эти тучи. И надо такому случиться? На лодке ни царапины! А те, что на берегу лежали — все в щепки разбило о берег.

Он почесал свою рыжую бороду и задумчиво добавил:

— А ведь гляди-ка, не выйди я сегодня второй раз в море — и девочке бы пропасть наверняка. Да и я бы свою кормилицу ни за что потерял бы. Видать, что-то направило нас с ней.

Филя с благодарностью взглянула на рыбака и подложила ему новый кусок:

— Что правда, то правда. Век благодарна тебе буду за малышку. Это ведь я не уследила! Ты не только ее, ты и меня спас. Она нерешительно дотронулась до руки Франка и тут же отвернулась. По ее щеке текла слеза. Он похлопал Филу по руке:

— Да что ты, Фи́ла. О чем ты говоришь. Ну как бы я мог не помочь! Не о чем и благодарить.

Перекинув через плечо свой сырой плащ, в который была закутана девочка, он направился к двери, подумав про себя:

— А эта Фи́ла очень даже приятная женщина. Заботливая, да и готовит неплохо.

А в это время в Нордбридже происходил разговор между Эльзой и женой бургомистра Миррой. Она посоветовалась с мужем и решила предложить приходящей к ним каждый день кухарке постоянную работу с проживанием. В семье ожидали пополнение. Меньше чем через месяц на свет должна была появиться девочка, третий ребенок в семье. Забот прибавлялось, и помощь молодой смышленной женщины была бы очень кстати. Для Эльзы такое повышение по службе предполагало увеличение не только заработка, но объема работы, что требовало постоянного присутствия в доме. А это значит — желанное бегство из Айлендхауза. Города, который, казалось, притягивал ее как магнитом с самого рождения. К облегчению Мирры, чрезвычайно довольной своей новой служанкой, Эльза согласилась не торгуясь. Она сказала, что уже через неделю готова переехать вместе со своей маленькой дочерью к ним в дом.

Большой город Нордбридж, где работала Эльза, находится примерно в ста километрах от Айлендхауза. Это настоящий мегаполис — с шумными улицами, заполненными гудящими автомобилями. И вечно куда-то спешащими людьми, с хму-

рыми и деловыми лицами, которые двигаются как заведенные марионетки с утра и до самого вечера. А еще буквально в двадцати километрах на запад от Нордбриджа лежит небольшой, но известный на весь мир остров Вестхедж. Именно сюда со всего света приезжают самые талантливые дети, чтобы учиться в знаменитой Академии высоких искусств Астрополисе. Самые талантливые художники и знаменитые писатели, оперные певцы и театральные дивы, гениальные ученые и прирожденные медики, политики высшего класса и умнейшие бизнесмены выходили из стен Астрополиса на протяжении многих веков. Чтобы попасть сюда нужно быть не просто ребенком из богатой семьи, поскольку обучение здесь является самым дорогим в мире. Но и обладать уникальным даром, который под чутким руководством профессоров академии обязательно разовьется.

Амьен читала про Астрополис в детской Энциклопедии в библиотеке, куда она несколько раз заходила вместе с матерью за книгами. Ее поразили иллюстрации красивейших картин, скульптур и домов этого острова. И в душе зародилась детская мечта. Девочке даже иногда снилось, как она входит под своды знаменитой старинной библиотеки, перелистывает истонченные временем страницы древних рукописей.

НОРДБРИДЖ. ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ И ПЕРВЫЕ ВРАГИ

Сборы не заняли много времени, ведь своих вещей у Эльзы почти было. Все их пожитки уместились в двух потрепанных дерматиновых чемоданах, скрепленных по швам железными скобами. Амьен прыгала от радости, предвкушая перемены в жизни. Матери с трудом удалось уложить ее спать в первый вечер, когда она объявила о грядущем переезде. Девочка постоянно подбегала к чемоданам, пыталась перекладывать вещи, запихивала туда свои камни и ракушки, составлявшие практически все ее игрушки, за исключением старой куклы Мэри и забавного плюшевого медвежонка. Но Эльза тщательно следила, чтобы Амьен не хозяйничала и сердито отгоняла ее от собранных вещей. Особенно рьяно она охраняла свой саквояж, который даже стала запира́ть на замок, а ключ прятала на шкаф.

Накануне отъезда мать ушла попрощаться с давними знакомыми, живущими на соседней улице. Амьен, впервые за долгое время оставшись одна, решила выяснить, что же так тщательно от нее прячут. Поставленный на стул табурет смог добавить ей достаточно росту, чтобы добраться до спрятанного на самой верхней полке ключа. Девочка открыла замок

и увидела пожелтевшие страницы каких-то потертых тетрадок, несколько книг в бархатных обложках. И на самом дне — тяжелую чугунную шкатулку с готической узорной вязью. Амьен приподняла крышку и даже задохнулась от изумления. Внутри лежали удивительной красоты украшения, которые она никогда не видела на матери. Подвески с переливающимися зелеными камнями и прозрачными сверкающими каплями турмалинов. Опаловое кольцо с россыпью сверкающих бриллиантов, которое с радостью надела бы на бал даже сказочная принцесса. И кольцо с огромным прозрачным камнем в золоте кружевной оправы. Зачарованная игрой камней, она не услышала, как скрипнула дверь. Крышка шкатулки захлопнулась и больно ударила ее по кончикам пальцев. Амьен хотела было заплакать, но увидев разгневанное лицо матери, она прикусила язык. Мать молча закрыла замок на ключ и теперь уже повесила его на цепочку к себе на шею. Она не проронила ни слова, но ее покрасневшее лицо выдавало сильное расстройство.

Амьен сползла со стула и прижалась к материнским коленям.

— Мамочка, прости меня. Мне просто было так одиноко, пока тебя не было. И так интересно.

Эльза молчала и Амьен продолжила:

— Я правда не хотела сделать ничего плохого. Я думала посмотреть только одним глазком и тут же все закрыть, как было. Но камушки оказались такими красивыми. Мама, от-

куда они у тебя?

Мать тяжело вздохнула, присела на корточки и взяла лицо Амьен обеими руками, так что их глаза оказались напротив друг друга:

— Это не мои вещи. Они у меня только хранятся. Я прошу тебя сохранить эту тайну и никому никогда о ней не рассказывать. Могу я на тебя рассчитывать?

Девочка думала, что мать сердится, но она говорила хоть и серьезно, но совершенно не зло. Скорее, устало. Амьен молча кивнула, и они обнялись.

В тот день они легли рано. Ночью сквозь сон Амьен слышала, как мать вставала, что-то перебирала в их пожитках. Ей даже показалось, что Эльза то ли плачет, то ли молится перед теплящейся в углу комнаты лампадой. А может быть, ей это только приснилось.

Ранним утром еще затемно они погрузили чемоданы в приехавшую за ними горбатую машину и покинули Айлендхауз навсегда, как тогда подумала Амьен. Дорога по суше заняла пару часов и уже в восемь утра они стояли на заднем крыльце дома бургомистра в Нордбридже. Им выделили светлую комнату на первом этаже в крыле прислуги на первое время. Эльза уже решила для себя, что они обязательно снимут свой собственный дом.

Мать тут же занялась делами по хозяйству и принялась готовить завтрак. А Амьен, вставшая непривычно рано и разволнованная от таких необычных перемен, уснула прямо

на полу, прислонившись к одному из чемоданов. Так ее и увидел впервые сын бургомистра Даниэль, или как его звали домашние, Дэн. Он пришел в полдень позвать девочку на обед, где собрались все домашние, чтобы познакомить ее с семьей.

Золотистые волосы Амьен рассыпались по плечам, разгоряченное от усталости и сна лицо светилось в лучах дневного солнца. Он замер, пораженный красотой девочки. Ему показалось, что это маленький ангел, спустившийся в их дом с неба. Он постоял еще некоторое время, затем тихо прикрыл дверь и ушел на цыпочках, чтобы не нарушить ее покой. В тот день то ли от переживаний, то ли от усталости, но Амьен проспала весь день до самого вечера. Проснувшись, когда стемнело. Выпила стакан своего любимого молока и мгновенно уснула в постели матери, куда она забралась обнявшись на ночь.

На следующий день утром и днем она помогала заниматься матери по хозяйству, хотя сгорала от любопытства посмотреть на свой новый город. Вечером, воспользовавшись небольшой суматохой перед возвращением бургомистра, несмотря на приказ матери никуда не выходить, Амьен украдкой юркнула из дома, тихонько прикрыв за собой тяжелую дверь. Сперва ее оглушил шум машин, от спешащих людей закружилась голова. У себя в Айлендхаусе она знала каждого жителя города и чувствовала себя как дома. Сейчас же ей показалось, что она маленькая песчинка в большой пу-

стыне. Она не заметила сама, как влилась в эту толпу, та закружила ее в водовороте и понесла за собой. Амьен с любопытством вглядывалась в лица людей, в вывески магазинов и ресторанов, пыталась понять логику дорожного движения. Но больше всего ее заворожила городская архитектура. Готические соборы с уходящими в небо шпилями, строгая геометрия торговых зданий, белые кружева французских кофеен, разноцветное драное полотно жилых домов в итальянском квартале. Она уже давно свернула от шумных перекрестков и центра вглубь тихих улиц. Когда Амьен очнулась от первого очарования большого города, то оказалось, что она ушла уже далеко. Первая большая неприятность заключалась в том, что обратной дороги она не помнила. А вторая неприятность была еще ужаснее. Потому что она ушла из дома, никому ничего не сказав. И мама уже наверняка еехватила.

В дополнение к этим бедам, вокруг не было ни души и не у кого было попросить помощи. Ни в одном из домов на этой улице не горели окна и только в соседнем переулке слышались голоса и виден был дымок, поднимающийся из каминной трубы. Она свернула с широкой улицы и попала в узкий грязный проход. Хотела было идти назад, но мелькнувший в грязном витраже свет привлек ее внимание. Поднявшись на цыпочки, Амьен попыталась заглянуть в окно.

Внезапно раздался разбойничий свист. Прямо перед ней стояла стая оборванных мальчишек, появившихся из темно-

ты как зловещие призраки. Они выглядели ее ровесниками, но вид их был пугающим — хмурые лица, без обуви, в грязной одежде. Амьен почувствовала скрытую угрозу и резко развернулась с желанием быстро убежать. Но тут же столкнулась с надменным мальчиком. Его белесые волосы были аккуратно пострижены, светло-голубые глаза холодно смотрели на девочку в упор. Он отличался от остальных ребят не только горделивой осанкой, но и дорогой одеждой, выдававшей в нем выходца из обеспеченной семьи.

Амьен попыталась ускользнуть от него, дернувшись в сторону. Но он ловко выставил ногу вперед, так что девочка споткнулась, зацепившись больной ногой, и упала. Мальчик сквозь зубы выпалил:

— Неуклюжая хромая бегемотиха! Не умеешь держаться на ногах, нечего ходить, куда тебя не звали. Улица Мерлина не для чужаков — ты что, шпионить сюда явилась? Знаешь, что с такими, как ты, бывает?

Амьен сквозь слезы отрицательно покачала головой, а мальчишки загоготали грубой шутке:

— Рене, давай научим ее, как следует вести себя, если являешься незванным гостем.

Белобрысый усмехнулся и рывком поставил Амьен на ноги:

— Зачем же самим пачкать руки. Здесь есть те, кто смогут растолковать ей правила нашей улицы более доходчиво. Как я погляжу, ей было интересно посмотреть на черную мессу.

Так давайте отведем ее к старине Сэму Ревуну. А нам еще и пара монет перепадет.

Предложение Рене понравилось его свите. Мальчишки едва ли не падали от смеха. Правда, на лице у одного малыша Амьен увидела следы страха — он задрожал и отступил назад, пытаясь спрятаться за остальных. Рене тоже заметил, что в рядах его стаи не все единодушно рады предстоящему развлечению:

— Эй, малыш, ты что-то побледнел. Может быть, тебе ее жалко? И ты хочешь составить ей компанию? А то я давно уже обещал организовать тебе посещение Сэма. Все равно пользы от тебя никакой, только мотаешься за нами, как собачонка.

Мальчик испуганно затряс головой и сжал кулаки:

— Ничего мне ее не жалко.

Амьен понятия не имела ни про улицу Мерлина, ни про Сэма Ревуна. Но что-то подсказало ей, что вряд ли это знание ей придется по сердцу. Впервые в жизни девочку охватило отчаяние, но неожиданно совсем рядом раздался скрипучий голос:

— О, детка, а я тебя уже давно жду. Кто это тут обижает мою гостью?

Толпа мальчишек раздвинулась и Амьен увидела старого сгорбленного человека с седыми патлатыми волосами. Он был закутан в черный плащ до самых пят и опирался на тяжелую трость с чугунным набалдашником в виде хищной пти-

цы, сверкнувшим в темноте кроваво-красным глазом. Беле-
сый мальчик с ухмылкой двинулся к нему. В его руке сверк-
нуло серебристое лезвие. Но мужчина в черном, проявив
неожиданную для своего возраста силу, ловко ударил палкой
по ножу, и выбил его из рук нападающего. Рядом послыша-
лись шаги и голоса, мальчишки кинулись врассыпную.

Мужчина, прихрамывая, подошел к замершей от испуга
девочке и взял ее за руку. Буквально через несколько шагов
они оказались на широкой улице. В домах наконец начали
зажигаться огоньки. Появились редкие прохожие, которые
возвращались в свои дома после работы. Амьен не верилось,
что всего в двух шагах от этой обыденной жизни находился
такой страшный и недружелюбный мир. Старик выпустил ее
руку:

— Улица Мерлина не так страшна, когда знаешь ее пра-
вила. Но чужаков она не терпит. Постарайся лучше обходить
ее стороной. Но если вдруг еще раз тебя занесет сюда, скажи,
что ты гостя Пьер-Симона, тебя никто не тронет. А от Рене
Люмьера держись подальше. Он не простой уличный маль-
чишка, а сынок местного богача Паоло Люмьера. Поговари-
вают, что якшается с бандитами, торгующими запрещенны-
ми товарами. Но за руку его никто не хватал, так что он счи-
тается почетным гражданином Нордбриджа. А на мальчиш-
ку его нет никакой управы, совсем под стать своему папаше.
Парень считает себя негласно коронованным королем Норд-
бриджа. И пока что не нашелся человек, который смог бы

доказать ему обратное. Он развернулся и пошел обратно по направлению к страшному переулку, мерно постукивая по каменной мостовой своей тяжелой палкой. Амьен даже не успела поблагодарить своего спасителя. Вдруг рядом раздался голос:

— Ты ведь Амьен, дочка Эльзы, нашей кухарки? Как ты здесь оказалась?

Амьен невольно вздрогнула — сколько неожиданных встреч всего за один день. Рядом с ней стоял мальчик в аккуратной гимназической куртке, с большой сумкой через плечо, из которой торчали учебники и тетради. Она попятилась назад, опасаясь нового нападения, но незнакомец широко улыбнулся, обнажив ровные белые зубы, и, протянув руку, сказал:

— Я Даниэль, сын бургомистра. Вчера я заходил, чтобы с тобой познакомиться. А ты спала.

Амьен крепко пожала протянутую ей руку.

— Как ты оказалась так далеко от дома, да еще в районе Золотого галеона? Не боишься заблудиться в незнакомом городе? Очень не хотелось признаваться новому знакомому в своем глупом поступке. Поэтому она с напускной уверенностью сказала:

— Да вот, решила осмотреться. И начала с этой части города. Но уже пора возвращаться обратно. Ты ведь тоже домой. Ничего, если я составлю тебе компанию?

Неподалеку Амьен увидела прошмыгнувшего мальчишку

из банды своего обидчика Рене Люмбера. Она схватила Даниэля за руку и прихрамывая двинулась вперед.

Тот резко остановился и повернул ее к себе. На его лице читалось беспокойство:

— Тебя кто-то ударил? Тебя тут обидели?

Амьен покраснела. От неожиданности она совсем забыла про свою хромоту. На самом деле, девочка ее отчаянно стеснялась. И хоть убеждала мать в обратном, ей было совсем даже не все равно, особенно перед новыми знакомыми. Тем более перед этим красивым мальчиком, который ей так понравился. Но он все равно рано или поздно узнает. На минуту мелькнула мысль сказать, что ее действительно поранили злые мальчишки. Но Амьен прогнала это искушение. Все равно со временем правда раскроется. Она гордо подняла голову и тряхнула волосами, сказав, как можно равнодушнее:

— Я хромаю с детства. У меня одна нога короче другой.

С этими словами она прямо посмотрела на Даниэля, ожидая увидеть на его лице сочувствие, каким часто окидывали ее незнакомые ребята.

Но тот выглядел растерянным и даже виноватым:

— Ох, прости пожалуйста! Я просто испугался, что ты ранена.

И тут же со смущением добавил:

— Да ты почти и не хромаешь. Мне, наверное, показалось.

И как бы оправдываясь, добавил:

— Это потому что у меня зрение плохое. Я не очень четко

вижу, поэтому иногда мне кажется то, чего на самом деле нет.

Амьен радостно засмеялась:

— Ты сейчас как будто оправдываешься. Забудь! Все в порядке, я уже привыкла.

Рядом промелькнула какая-то тень. Амьен все еще боялась встретить своих обидчиков, поэтому опять взяла Даниэля за руку. Теперь она уже уверенно потащила его вперед, делая усилие, чтобы не оглядываться назад и стараясь вести непринужденную беседу:

— Скажи, пожалуйста, а в вашем городе есть интересные здания?

На удивленный взгляд Даниэля она рассмеялась и пояснила:

— У вас ведь большой город. Наверняка есть какой-нибудь дворец? Или большой собор? У нас в Айлендхаузе была только небольшая церковь прямо на берегу моря. Но я однажды видела в книжке из библиотеки огромный каменный собор. Ничего более красивого я и представить себе не могу! Может быть, только если какой-то королевский замок.

Даниэль немного удивился такому серьезному увлечению маленькой девочки, но, как воспитанный мальчик, поддержал беседу как ни в чем не бывало:

— На центральной площади Сан-Люк, которая находится прямо за нашим домом как раз и расположен главный кафедральный собор города. Церковь Сан-Лукас — один из краси-

вейших соборов мира, как говорит мой отец. Если хочешь, можем зайти по дороге домой?

— Оооо, давай! А мы успеем к ужину? А то боюсь, как бы мама меня не хватилась. Я ее не предупредила, что ушла из дома одна.

И Амьен виновато улыбнулась.

— Тогда, пожалуй, лучше в другой раз, — тут же предложил Даниэль. — Я очень люблю ходить на Сан-Люк рано утром в воскресный день. Когда торговцы только начинают раскладывать там свои товары и нет такой плотной толпы, которая заполняет площадь днем.

Амьен захлопала в ладоши в предвкушении новых впечатлений:

— Буду ждать теперь воскресенья с нетерпением! Какое счастье, что я тебя так удачно встретила! Бывает же в жизни такая удача!

Даниэль смутился и отвернул лицо в сторону, чтобы девочка не заметила, как он залился краской. Польщенный искренней радостью, которую он ей доставил, мальчик указал ей на покосившееся ветхое строение, мимо которого они как раз проходили, и шепотом сказал:

— А вот это, если верить словам моей няньки, дом рыцаря Лонгфелло. Он родился и жил в нашем городе. Говорят, что однажды налетел смерч и довольно здорово его потрепал. Но на самом деле это были ведьмы, которые хотели уничтожить даже память о нем. Но людские предания хранят истории о

его подвигах до сих пор. Ты ведь знаешь эту легенду?

Амьен отрицательно покачала головой. Даниэль удивился:

— Да ты что? Тогда слушай... В общем, он мой герой. Амьен широко распахнула глаза:

— Я думала, что это все только сказка — моя мама в детстве читала мне про него. Но я и не знала, что он был настоящим человеком, жившим когда-то в нашем мире.

Даниэль потянул ее за руку вперед и с гордостью заметил:

— В нашем городе много легенд. Отец говорит, что чудеса здесь живут в соседстве с обыденной жизнью. Только не все про них догадываются. Я тебе покажу все тайники, о которых знаю.

И понизив голос, добавил:

— Моя няня рассказывала мне, что где-то поблизости находится Книга судьбы — в ней таится секрет чуда, неподвластный простым смертным. Но тот, кто найдет ее, сможет узнать все тайны мироздания.

Амьен восхищенно посмотрела на Даниэля — похоже, теперь ее фантазии про сказочные миры будет с кем разделить.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Амьен шла по улице, гордо размахивая корзиной. Сегодня она впервые одна пошла на рынок. До этого девочка была там несколько раз с мамой, но сегодня та не успевала с приготовлениями к торжественному обеду в честь приезда старшего сына бургомистра Алекса. Он возвращался домой на каникулы из закрытой школы для мальчиков. Вся семья с нетерпением ожидала его приезда, и было решено устроить праздничный прием.

На городском рынке были толпы народа, привередливо выбирающих фрукты послаще, хлеб помягче и мясо посвежее. Амьен миновала мясные и молочные ряды, где ее со всех сторон зазывали попробовать деревенской сметаны и козьего молока. Прошла ряды торговцев ароматными специями и душистыми приправами, где от запаха свежего перца и корицы она тут же начала чихать. И наконец увидела просторные ряды разноцветных овощей и фруктов, покрытых каплями воды для сохранения свежести в полуденную жару. Сначала Амьен набрала почти полную корзину медовых яблок для праздничного пирога. Затем выбрала сочную петрушку и укроп, а под конец купила несколько мясистых помидоров. Продавец в овощной лавке уступил ей в цене. Она зажала в руке несколько монет, предвкушая, как она с гор-

достью предъявит их матери. Корзинка уже оттягивала руку, а ведь путь домой лежал еще через целых два квартала — чтобы осмотреть город, она пошла кружным путем.

Она шла очень медленно и как всегда с интересом рассматривала дома зажиточных горожан — детали орнаментов и витражи в окнах. Не меньше ей нравилась затейливая резьба деревянных крылечек мастерового люда. Внезапно из-за угла выскочила ватага мальчишек. Они с шумом и гиканьем убегали от высокого повара в белоснежном колпаке, грозящего им из проема двери. Амьен посторонилась, уступая им дорогу. Но последний из бежавших детей вдруг с силой пихнул ее. Вырвав корзину с покупками, он бросился вслед за остальными. Девочка от неожиданности отлетела на середину улицы и упала на тротуар, почти попав под проезжавшую мимо машину. Если бы не какой-то проходящий мимо старик в дорогом плаще, который практически выхватил ее из-под колес и поставил на ноги.

Амьен прихрамывая тут же кинулась вдогонку. Напавший на нее мальчишка был мал ростом, и корзина была его по ногам. На повороте он замешкался, так что девочка догнала его и схватила своего обидчика за плечо. Только сейчас Амьен разглядела, что чумазый босоногий воришка значительно уступает ей по возрасту. Это прибавило ей уверенности, и она с силой резко дернула корзину на себя. Малыш не ожидал этого и выпустил добычу из рук. Корзинка упала и все покупки рассыпались на землю. Яблоки врассыпную по-

катились вниз по улице. Маленький воришка бросился наутек и скоро его и след простыл. Амьен уже начала чувствовать саднящую боль от разбитых коленок, но ей было не до того. Она бросилась подбирать овощи и фрукты. Слезы застилали ей глаза, и она шарила руками почти на ощупь под любопытными взглядами и перешептыванием зевак.

Рядом с ней на землю опустился старик, который спас ее от преследования злых детей и стал помогать. Они собрали все, но теперь покупки лежали вперемешку. Поломанная зелень, побитые, ржавеющие на глазах бока яблок. А на помявшиеся и плачущие розовыми слезам помидоры было просто больно смотреть. Ой-ой-ой, что скажет мама...

Амьен подняла заплаканное лицо, чтобы поблагодарить своего доброго покровителя и вскрикнула. Это был тот самый спаситель, Пьер-Симон, который выручил ее на улице Мерлина. Он улыбнулся девочке как старой знакомой. Взял корзинку в одну руку, а Амьен за другую. И молча повел обратно на рынок, от которого они, к счастью, ушли совсем недалеко. В его руке, как и в прошлый раз, была тяжелая трость и он слегка прихрамывал на левую ногу. Амьен продолжала всхлипывать, пока Пьер-Симон о чем-то разговаривал с продавцом. Но слезы тут же высохли, когда она увидела свою корзинку опять заполненную, только теперь уже свежими купленными фруктами и овощами. Девочка попятилась назад, когда он протянул ей покупки. Запинаясь, она покачала головой:

— У меня уже не осталось денег. А моя мама не разрешает мне брать подарки от незнакомых людей.

Тогда он улыбнулся ей, поставил корзинку на землю и, склонив голову, как придворный рыцарь, представился, протянув ей руку:

— Мы уже вроде бы познакомились раньше, при не менее драматичных обстоятельствах. Но давайте повторим церемонию знакомства более официально. Позвольте представиться, сударыня. Меня зовут Пьер-Симон, но для друзей я — Пьемон. Могу ли я узнать имя прекрасной незнакомки, с которой меня неожиданно свела судьба?

Девочка улыбнулась, подыгрывая своему новому знакомому, сделала легкий книксен и протянув руку, назвала свое имя:

— Амьен!

Старик вздрогнул и с удивлением переспросил:

— Амьен? Чудесное, но очень редкое имя. Скажи мне, милое дитя, в честь кого же тебя так необычно назвали?

Девочка засмеялась:

— Да, многие удивляются, когда слышат впервые. Дело в том, что моя мама так назвала меня в честь города, где она познакомилась с моим отцом.

Пьемон молчал и с еще большим интересом смотрел на нее. Амьен любила поговорить, но последнее время она часто бывала одна. А тут, после такого приключения, ей хотелось с кем-то поделиться. И она продолжила:

— Но папа умер еще до моего рождения. Поэтому мама приехала в свой родной город Айлендхауз, где я и родилась. А не так давно мы переехали в Нордбридж, потому что мама работает в доме бургомистра. И сейчас я очень спешу, потому что она поручила мне купить продукты для праздничного обеда.

Старик улыбнулся, протягивая ей корзину, и сказал:

— Что же, милая Амьен, теперь мы знакомы по-настоящему. Так что ты вполне можешь взять свои продукты. Тем более что я лишь компенсировал несправедливость судьбы, которая тебя сегодня попыталась обидеть. Будь аккуратнее по дороге. Держись подальше от уличных хулиганов и беги скорее на помощь к своей маме. Если попадешь еще в эти края, буду очень рад поговорить с тобой. В том числе и о городе Амьен.

Помолчав, он добавил:

— Когда-то я жил там. Это действительно очень красивый старинный город. Найти меня здесь очень просто — спроси любого и тебе покажут дом мастера Пьемона. Я ювелир и живу в конце этой улицы в белом каменном здании с полукруглой аркой, увитой виноградной лозой. Сразу за углом ты увидишь сад, где я часто сижу по вечерам на чугунной скамье под старым каштаном.

Девочка кивнула, еще раз благодарно улыбнулась ему на прощание и быстрым шагом направилась к дому. Эльза уже с беспокойством посматривала в кухонное окно, продолжая

яростно месить тесто для пирога. Она переживала, что дочь задерживается, ругая себя за то, что отправила маленького ребенка одного на рынок в чужом и огромном городе. Увидев подходящую к дому Амьен, она вытерла руки о фартук и бросилась к двери, чтобы помочь с тяжелой корзиной:

— Умница моя, наконец ты вернулась. А я уже переживать стала. Скорее мой руки и помогай мне. Гости будут уже через час, а у меня еще не все готово.

К счастью, Эльза не заметила разбитую коленку. Девочка надела фартук и принялась мыть помидоры, базилик и петрушку. Затем, пока мать взбивала тесто для пирога, Амьен быстро почистила и порезала яблоки тонкими дольками. Дольше всего было вынимать косточки из вишни, но зато и веселее. Алый сок струился между пальцами и образовывал чудесные узоры, рисуя на коже забавные картинки. Перемешав яблоки, вишню, корицу и сахар, Эльза выложила эту сладкую смесь на тесто и завернув в рулет, отправила в печь. Амьен же в это время помешивала ванильный соус для чудесного яблочно-вишневого штруделя — фирменного блюда своей матери. Последние приготовления были закончены, когда хлопнула входная дверь, возвещая, что прибыл виновник торжества.

К удивлению Эльзы, Мирра позвала к столу и их с Амьен. Она сказала, что время семейных торжеств и праздников — это трапеза для всех домочадцев. Поскольку они живут в их доме, то являются как бы членами их семьи. Алекс рас-

сказывал, как проходит его жизнь в закрытой школе. Мать нежно смотрела на сына — эта разлука была первой с тех пор, как он родился. Эльза подумала про себя, что несмотря на то что Алекс уже взрослый мальчик, Мирра по-прежнему считает его еще ребенком. И она с грустью взглянула на повзрослевшую Амьен, подумав, что в свое время она тоже выпорхнет из домашнего гнезда и начнет устраивать свою взрослую жизнь. К счастью, время это наступит еще не скоро. За ужином Амьен сидела между Даниэлем и Алексом. Широко распахнув глаза, она слушала рассказы про неведомый мир взрослой школы. Улучив минуту паузы во время смены блюд, она наклонилась к Даниэлю и шепотом спросила:

— Ты тоже уедешь учиться в эту закрытую школу, как и Алекс?

Но Даниэль покачал головой и прошептал, чтобы никто не услышал:

— Надеюсь, что нет. У меня немного другие планы.

— Какие, расскажешь?

— Я мечтаю поступить в Астрополис. Но мама с папой пока что про это не знают, и ты тоже не говори никому, ведь это секрет.

Амьен кивнула и украдкой вздохнула. Она промолчала, что Астрополис был и ее заветной мечтой. Однако ей даже думать об этой школе бессмысленно — она им с матерью точно не по карману.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Не прошло и недели, как Амьен снова послали на рынок. Быстро сделав все покупки, она решила заглянуть в гости к своему новому знакомому. Девочка легко нашла улицу и дом, который Пьемон описал очень верно. Он выделялся среди разноцветных домов вокруг какой-то изысканностью и в то же время простотой. За углом, как и сказал старик, раскинулся сад с поросшими мхом каменными дорожками и разросшимися кустами боярышника, грозившего в скором времени превратиться в непролазную чащу. Она тут же увидела Пьемона, задумчиво разглядывающего какую-то старинную книгу. Он сидел в тени старого дерева с крупной зеленой кроной и коричневыми шишками созревающих каштанов. Старик как будто почувствовал ее взгляд и оторвался от чтения.

Она откашлялась и вежливо сказала:

— Доброго дня, господин Пьемон.

Старик отложил книгу, с трудом встал, тяжело опираясь на палку, и радостно ответил:

— Малышка Амьен! Как я рад, что ты зашла меня проведать.

Девочка с любопытством заглянула в книгу и не сдержала восхищения:

— Какая красота, что же это?

Старинный фолиант был открыт почти посередине и на странице, увитой кружевной вязью старинного письма, было изображено ожерелье с переливающимися зелеными камнями. Она так и впилась глазами в картинку — никогда прежде не видела такой поистине королевской красоты:

— Эти зеленые камни как будто живые. Но в то же время какие-то, — она запнулась, подыскивая слова, — страшные.

Старик засмеялся и пригласил ее присесть, помогая девочке аккуратно поставить рядом пузатую корзину:

— Прекрасный вкус, моя дорогая Амьен. Таинственные изумруды действительно красивы и одновременно страшны историями борьбы за них людей. Это очень ценные камни, которые уникальны легендами, с ними связанными. Само слово «изумруд» звучит как романтика приключений и тайн. На немецком его называют Смарагд, а на испанском — Эсмеральда. В древнеегипетской Книге Мертвых было записано, что египтяне получили изумруд в дар от великого бога мудрости Тота — его зеленый цвет напоминает о весне и считается символом вечной юности. Поэтому египтяне называли изумруд «камнем богини Исиды» и приписывали ему способность превращать сны в явь, читать мысли, видеть прошлое и предвидеть будущее. Может быть, поэтому считается, что владелец изумруда не видит страшных снов —

ведь это камень мудрости и хладнокровия. В старину изумруд также считался могущественным талисманом, а именно средством от укусов ядовитых змей, которые боялись одного его вида.

Девочка завороженно слушала рассказ, не перебивая, но когда Пьемон замолчал, она заметила:

— Получается, что изумруд, наоборот, не страшный, а полезный камень?

Пьемон засмеялся:

— Ну как тебе сказать, твое первое впечатление отчасти тоже было верным. Ведь христианская традиция, напротив, считала его колдовским камнем, порожденным адом. По легенде, крупнейший изумруд упал на землю с шлема Люцифера при изгнании его с неба. Чаша Грааля была высечена именно из этого изумруда. Сохранились изображения поединка святого Георгия со змеем, который воплощает вечное зло, — тело его как раз сделано из изумрудов.

Он немного помолчал, разглядывая картинку, и продолжил:

— Это кольцо принадлежало одной несчастливой королеве Франции и с ним были связаны истории как любви, так и ненависти, предательства и даже преступления. Некоторые охотились за ним из-за стоимости камней. Но если ты согласишься на рисунок изумрудов, то увидишь старинный символ, который на древнегреческом означает ирис, что переводится как радуга. Это старинный знак династии фран-

цукских королей, который они установили в своем роду во время правления своего первого монарха. Есть легенда, что тайной печатью французских королей, на которой изображался этот символ, служило кольцо с редким сапфиром. Оно давало невиданное могущество своему владельцу. Собственно, именно благодаря этому кольцу первый король Франции из династии Меровингов основал свое королевство. С древнейших времен ирис символизировал власть, силу и могущество. Именно поэтому в Древнем Вавилоне и Древнем Египте изображение ириса вплетено в узоры правителей этих государств. Возможно, именно благодаря этой легендарной истории ирис стал неотъемлемой частью геральдических символов европейских королей. И именно ирис, а не лилия является истоком для геральдики королевского дома Франции. В пятом веке король франков Хлодвиг Меровинг попал в ловушку во время сражения. Он был зажат вместе со своим войском между армией противников-готов и рекой Рейн. И именно ирис спас его в этом сражении. Дело в том, что ирис растет только на мелководье. Увидев, что заросли ириса простираются на протяжении всей реки, он понял, что в этом месте река неглубока. Поэтому он приказал своим воинам перейти реку вброд, напал неожиданно сзади на противника и одержал победу. В благодарность за чудесное спасение сделал ирис своей эмблемой. Скипетр первых французских королей также увенчан цветком ириса.

Больше того, три лепестка ириса также символизируют

троичность. Поэтому после принятия Францией христианства, где очень важен символ Святой Троицы, ирис стал еще олицетворением триединого Бога. Король еще раз поблагодарил судьбу за то, что он выбрал именно ирис символом королевской геральдики Франции. Что касается кольцо с изумрудами, которое тебе так понравилось, то в нем тоже видна вязь узоров ириса. Правда, камни, как ты видишь, не желтые и даже не синие, а зеленые. Это кольцо было сделано старейшим ювелирным домом Готье для фаворитки французского короля Генриха IV, красавицы Габриэль д'Эстре. Говорят, что ювелир был тайно влюблен в нее, и она отвечала ему взаимностью. Он вложил в это украшение, предназначенное для подарка своей любимой, всю свою душу. Он использовал редкие изумруды, привезенные в Европу из Перу. Они, по легенде, были захваченными сокровищами в столице империи инков — в городе Куско в храме Солнца в 1533 году. Говорят, что самый крупный изумруд считается одним из двадцати таинственных драгоценных камней в мире.

Изделие было готово. Однако выяснилось, что кольцо предназначалось для помолвки. Сам король Франции всерьез собирался жениться на прекрасной Габриэль. Увы, невесте так и не пришлось примерить драгоценный подарок. Она внезапно умерла, как говорили придворные врачи, отравившись фруктами. Многие видели в этой темной истории след влиятельного клана Медичи, имевшего свои виды на короля Франции. Колье же попало в сокровищницу королевства

Франции и его след затерялся после Французской революции.

— А что стало с ювелиром? — спросила Амьен.

— Этот ювелир покинул яркий Париж и переехал в отдаленный уголок Франции, где вел жизнь затворника. Надо сказать, что это только способствовало росту стоимости его изделий, которые с тех пор считались редкостью.

Пьемон помолчал некоторое время, а затем со вздохом добавил:

— Он передал свое мастерство дочери, и она продолжила великую династию Готье. Созданные ею украшения лежат во всех королевских сокровищницах Европы.

Девочка удивленно подняла бровь?

— Дочери?

Старик улыбнулся и потрепал Амьен по щеке:

— Он удочерил малышку еще при жизни Габриэль. Поговаривали, что она была незаконнорожденной дочерью короля Франции, который не смог ее признать. Так что кровь королев Франции вплелась в эту историю уже во второй раз. Ювелир полюбил девочку как родную дочь, дал ей свое имя и оставил все свое состояние.

— А что стало потом с этой девочкой?

— Она продолжила дело своего приемного отца. С нее начала укрепляться великая династия ювелиров, которые женились и выходили замуж за других ювелиров. Все они делали удивительные по красоте украшения. И жили долго и

счастливого, а последние муж и жена из рода Готье даже умерли в один день, совсем как в сказке.

— Откуда вы все это знаете? — подняла на него удивленные глаза девочка, завороченная этой удивительной историей.

— Я ведь ювелир, и когда-то давно жил во Франции. Мир драгоценных камней делает людей настоящими романтиками. Если, конечно, они не поддаются магии золотых монет, что происходит довольно часто. Камни для меня не только дорогое украшение. Гораздо больше я ценю их магические свойства. А мастеров ювелирного дела — за искусное воплощение красоты камней в украшения. И я очень люблю узнавать истории их владельцев. Ведь кому-то камни приносят любовь, а в ком-то они разжигают ненависть.

Он с трудом поднялся и потер затекшую ногу:

— Мне уже пора идти в мастерскую. Заказчики ждут от меня не только историй, но и красивых украшений. Но в другой раз я расскажу тебе еще что-нибудь.

Пьемон выпрямился и тут же поморщился от боли, встав на больную ногу:

— Дорогая, ты могла бы подать мою трость, а то я до нее буду еще долго ползти?

Девочка с радостью бросилась помогать. И когда она передавала ему палку, то ее взгляд остановился на тяжелом набалдашнике. Он изображал огромную хищную птицу, ястреба или орла, держащего в зубах красный камень. Но вни-

мание ее привлек орнамент цветов, очень похожих на ирисы. Те самые, из династии королей Франции. Заметив взгляд Амьен, Пьемон сказал с напускным пренебрежением:

— После того, как ирисы стали гербом короля Франции, этот рисунок стал весьма популярен не только в этой стране, но и в мире. К тому же ирис очень схож с лилией. Его часто используют в декоративных украшениях. Надеюсь, я еще не надоел тебе со своими историями?

— Ну что ты! Это же так интересно! А если мне еще можно будет хотя бы одним глазком посмотреть на настоящую ювелирную мастерскую, я буду просто счастлива!

В следующий раз они встретились через несколько дней, когда Амьен сама предложила матери сходить за продуктами. Старик обрадовался и удивился — в прошлую встречу девочка сказала, что обычно ходит на рынок раз в неделю. Сегодня у него с собой опять была старинная книга, которая притягивала Амьен как магнитом — на ее обложке красовался удивительной красоты замок с высокими тонкими колоннами и башнями, уходящими ввысь и соединяющиеся под самым небом в тонкие струны готических арок. На обложке узорным витиеватым шрифтом было написано название книги «Соборы мира». Пьемон поймал ее взгляд, загадочно улыбнулся и сказал, открывая закладку:

— У меня есть для тебя кое-что интересное. Посмотри, это один из самых известных соборов мира. Он расположен в городе, имя которого ты носишь. Собор этот знаменит

не только своим величием и красотой архитектуры. Именно здесь хранится одна из важнейших христианских реликвий — глава святого Иоанна Предтечи, или Крестителя. Если ты помнишь, он был великим пророком, которого заточил в тюрьму царь Иудеи Ирод Великий. Царь держал пророка в темнице, но боялся казнить, опасаясь кары небес. Во время пышного пира Ирод попросил Саломею, дочь своей жены, станцевать для него. Мать же Саломеи, Иродиада, ненавидела пророка, который осуждал ее прелюбодейскую связь с Иродом. Поэтому она подговорила свою дочь попросить у царя исполнить любое ее желание, если танец понравится. Ирод легкомысленно согласился и был очарован великолепным зажигательным танцем. Когда Саломея попросила в награду главу Иоанна Предтечи, Ирод не смог нарушить свое слово. Главу честного пророка отрубили и принесли в зал пиршества на серебряном блюде. Сейчас глава Иоанна хранится в соборе Амьена, где христиане просят у великого пророка помощи и защиты.

Амьен с интересом рассматривала иллюстрации города, в честь которого ее назвала мать:

— Вот бы съездить туда когда-нибудь!

— Не вижу причин, почему бы и нет, — заметил с улыбкой Пьемон.

Но девочка грустно покачала головой:

— Это вряд ли, мама говорит, что мы бедные.

— Так, в принципе, нельзя говорить никогда. Во-первых,

потому что бедных людей нет. Есть только те, кто считает себя таковыми. А во-вторых, если ты сейчас в детстве не разрешаешь себе мечтать, каким же сухарем ты станешь в старости?

Он насмешливо, но с добротой смотрел на Амьен. А потом добавил:

— Никогда не говори вряд ли. И тем более никогда не говори никогда. В этой жизни может быть абсолютно все. Я свое уже пожил, поэтому можешь мне поверить.

МАСТЕРСКАЯ СТАРОГО ЮВЕЛИРА

Амьен теперь часто бывала гостьей в мастерской Пьемона. Для нее стало доброй традицией забежать к старику, который каждый раз находил для нее время и самые разные истории.

Девочка ходила в подготовительную школу, где было много детей и совсем мало учителей. Да и то, чему их учили, нельзя было назвать очень интересным. Знания в школе были лишь самые необходимые — научить читать и немного считать. А ей хотелось большего. Поэтому Пьемон стал учить ее дополнительно. Детских книг в его мастерской не было. И они стали учиться по старинным фолиантам — география великих открытий и путешествий, ботаника, легенды античного мира и литература средневековой Европы, история и летописи древних цивилизаций. Больше всего Амьен увлекла история древних религий — ее завораживали легенды таинственного Египта, восточные предания Индии, духовная традиция иудаизма и трагическая летопись христианства. Несколько раз Амьен приходила в то время, когда Пьемон занимался своей ювелирной работой, видимо выполняя очередной заказ. Сначала девочка только смотрела, но потом

потихоньку стала помогать мастеру. Каждый раз она изучала что-то новое. Только выглядело это не как учеба, а как занимательная игра. Она научилась делать крепления-лапки для оправы драгоценных камней. Готовила образцы лекал дляковки обручальных колец. Полировала готовые изделия до звонкого блеска.

И они все время разговаривали во время работы. Старика было удивительно интересно слушать. Его речи не походили ни на чьи-либо, кого знала Амьен. Даже в доме бургомистра, который считался одним из самых уважаемых жителей Нордбриджа, они не слышала ничего подобного. Чаще всего поводом к увлекательным рассказам служили те камни, с которыми работал ювелир. Делая оправу для кольца из желто-зеленого хризолита, Пьемон поведал Амьен об истории этого веселого мерцающего камня, цвета бутылочного стекла:

— В старину хризолит часто называли вечерним изумрудом, так как в сумерках и особенно при свечах его зеленый цвет более заметен. Хризолит как драгоценный камень был известен за 4000 лет до нашей эры, а потом неоднократно упоминается в Библии, украшая одежды первосвященников и седьмое основание Небесного Иерусалима. Ворожеи надеялись хризолит способностью отгонять злых духов, помогать завоевывать симпатию окружающих и разбираться в запутанных проблемах, а еще сохранять имущество своего владельца от пожара и кражи. Поэтому перстни из хризолита в

Средние века часто носили купцы и банкиры.

Во время огранки кроваво-красного ожерелья из гранатов Пьемон рассказал ей легенды, связанные с этим камнем, и в правду напоминающим зерна:

— Камень, подобный огню, он упоминался в Библии как карбункул. В древних культурах верили, что гранаты являются носителями чудесных магических и целебных сил, а вот в астрологии гранат считается малосчастливым камнем. По восточным поверьям, этот камень символизирует упорство и силу, постоянство и преданность, здоровье и верность. Персы считали его царским камнем и верили, что его владелец приобретает власть над людьми. Крестоносцы, когда в очередной раз шли освобождать Гроб Господень, надевали перстень с гранатом, так как верили, что он охраняет от опасных ранений и коварного отравления ядами. А одна из средневековых легенд гласит, что гранат обладает силой изгонять из человека бесов. Прикрепляя сиреневые слезы аметиста к игривым подвескам, старый мастер с улыбкой заметил:

— Ты будешь смеяться, но аметист в переводе с латыни означает пьяница, и небезосновательно. В Древнем Риме аметист называли благословенным камнем — считали, что он приносит удачу и успокаивает нервы, но прежде всего является надежным средством против опьянения. Бросали камень в бокал и спокойно пили вино.

Полируя зеленоватые грани браслета из нефрита, Пьемон рассказал Амьен:

— Нефрит высоко ценится китайцами, которые называют его камнем жизни, он является их национальным камнем. Там он ценится иной раз выше золота и серебра, так как считалось, что этот камень приносит благополучие. Китайские философы приписывали нефриту пять основных достоинств, отвечающих душевным качествам человека. Его мягкий блеск олицетворяет милосердие. Твердость — справедливость. Полупрозрачность — символ честности. Чистота — воплощение мудрости. А изменяемость олицетворяет мужество. Старинная китайская пословица гласит, что золото имеет цену, а нефрит бесценен. Древний китайский философ Конфуций говорил о хорошем человеке, что его мораль чиста, как нефрит.

Как-то раз, разглядывая набалдашник трости Пьемона, девочка спросила про горящий как огонь камень — рубин. Пьемон повернул трость в руке, так что камень сверкнул тревожным кровавым блеском:

— Предполагается, что рубины добывались уже в бронзовом веке в Бирме. Две тысячи лет назад рубины ценились и в Индии и использовались в качестве талисманов. Знали рубины также греки и римляне. В греческом городе Мирраполисе посреди главного храма стояла статуя Геры, жены Зевса, позолоченная и осыпанная драгоценными камнями, главный из которых, крупный рубин, назывался Светочем — ночью он светился так ярко, что освещал собой весь храм вместо светильника, а днем при свете солнца он становился похож

на огненный пламень.

Еще древние тамилы, жители Юго-Восточной Азии, нередко находили сероватые непрозрачные камни, отличавшиеся исключительной твердостью. Эти камни они называли корундам. Отсюда пошло звучание индийского каурунтаки и санскритского курувинда. Позже уже прозрачные красные камни получили название рубин от латинского рубенс, краснеющий, а прозрачные синие стали называться сапфирами. В старину оба эти камня считались камнями жизни и любви. Есть предание, что владение ими придает хозяину больше власти, смелости и достоинства, ими даже надеялись защититься от черта и от чумы. В астрологии рубин является камнем Солнца, а сапфир — Сатурна.

На мой взгляд, рубин очень тревожен, недаром он считается королевским камнем власти и украшает перстень кардинала католической церкви. Если выбирать между рубином и сапфиром, то мне больше по душе сапфир.

— Почему же у тебя на трости рубин?

Пьемон усмехнулся:

— К сожалению, или к счастью, но я не выбирал ее. Мне она досталась по наследству.

Когда они пили чай, то разговор непринужденно перетекал от одной истории к другой. Но каждый раз затрагивая душу и мысли девочки, так что она продолжала размышлять об услышанном по дороге домой.

В первый по-настоящему зимний день, когда выпал снег,

Пьемон встретил девочку с подарком. Теплые рукавички, с вышитыми разноцветными бусинками узором:

— В этом подарке заключены целых три символа. Сможешь отгадать?

Амьен захлопала в ладоши:

— Это ирисы! Первая история про драгоценные камни, которую ты мне рассказал. И даришь ты ее мне в день, когда выпал первый снег в мою первую зиму в Нордбридже.

Старик радостно засмеялся:

— Да, моя дорогая Амьен, как же я люблю тебя! Особенно за то, что ты понимаешь скрытый смысл вещей и поступков. Я тебе уже говорил когда-то, все в нас, как и мы сами по себе, имеет значение. Вот, например, твое имя Амьен. Ты знаешь, что оно означает, помимо названия старинного города? Есть древнее слово *ambe*, которое в кельтских языках означает «река», то есть движение воды.

Амьен обрадованно заметила:

— А я очень люблю воду, вернее море!

— Да, я помню, ты говорила мне, что твои самые первые воспоминания — о море. И я чувствую, что твоя жизнь будет связана с водой, которая будет для тебя и испытанием, и спасением в трудную минуту.

БУДНИ ДОМА И В ШКОЛЕ

Амьен ходила в обычную городскую школу. Дети в большом городе оказались недружелюбны к новенькой. Они выросли с детства вместе и не приняли Амьен в свой круг. Хромота была одной из причин. На одной из перемен она подслушала разговор девочек из класса:

— Эта Амьен какая-то странная. Вчера на арифметике ее поставили в угол. Она испортила всю тетрадь рисунками. Учитель оттащил ее в центр класса, а она даже и не подумала извиниться.

— И не говори, — вторила ей другая одноклассница. — Но что с нее взять. Провинция, где она жила до этого, не учит хорошим манерам.

Говорившие вернулись в класс, так и не заметив, что у этого разговора был слушатель. А Амьен грустно вздохнула. Похоже, в лучшем случае в школе ее оставят в покое. А в худшем, будут еще и преследовать насмешками. Мальчишки не обращались к ней иначе, как ковыляка. Можно было, конечно, налупить им всем и показать, что хромая нога может иметь крепкую руку. Да и по знаниям она была впереди не только своего класса, но и даже старшеклассников. Но Амьен бездействовала и не стремилась с кем бы то ни было подружиться. Это был чужой мир, куда она не хотела входить

и который она не хотела впускать в свою собственную жизнь.

Время вне школы было куда более интересным. С Пъемоном, к которому она убегала при всяком удобном случае до самого позднего вечера, они обсуждали таинственные истории и прекрасные камни. Дома же, закончив помогать матери по хозяйству, она выскальзывала во двор, где ее поджидал новый друг — Даниэль. Или, как его звали в семье, Дэн.

Амьен почему-то нравилось называть его полным именем. Оно было каким-то сказочным, как будто принадлежало изящному французскому принцу — звучало, как мелодия флейты, Даниэль. А он и не возражал. Ему хотелось доставить Амьен радость в любых мелочах, которые для нее отчего-то имели огромное значение. Странно, но у него не было такой близости ни с кем из братьев и сестер. И уж тем более с друзьями во дворе, где они росли с самого детства.

Больше всего дети полюбили играть в придуманную Амьен историю — в Город Солнца. Видимо, под влиянием историй Пъемона про великие разрушенные цивилизации древних майя, пропавшую Атлантиду, пришедшие в упадок Египет и Грецию, она придумала несуществующий Город Солнца. Он воплотил в себе магию всех этих древних культур. Сначала у них были разрозненные игры — постройки пирамид, подземные лабиринты, стройные колонны греческих храмов, построенные из непрочного для архитектурных поисков песка. В игре действовали герои легенд и мифов. Но для Амьен самым главным был именно момент создания го-

рода — расчет площадки, подготовка плана застройки, выбор декоративных элементов. Гораздо важнее игры в королей и рыцарей для нее был сам процесс строительства. Материалами служили подручные природные средства: летом — песок и камни, зимой — снег и лед.

Но девочка начинала уже чувствовать разочарование от временности созданного. Как-то раз зимой, замерзнув на улице, они забрались в подсобную мастерскую в доме бургомистра. Там лежали ремонтные и нужные в хозяйстве материалы. Сначала от нечего делать они попробовали скрепить деревянные палки. Даниэль тут же занозил себе палец и уронил на ногу тесак. А вот Амьен, казалось, родилась с пилой и рубанком в руках. Уже через час в ее руках был каркас чудесного домика в приморском стиле. Она умудрилась даже вылепить из глины петушка для башенки. С этого домика и началась история создания уже настоящего города. Даниэль не нашел себя в прикладном творчестве. Зато он начал сопровождать строительство домов совместным придумыванием историй и записью их в толстую тетрадь с темно-коричневой кожаной плотной обложкой.

Жизнь была такая насыщенная, что Амьен приползала в свою комнату только поздно вечером и замертво падала на кровать. Эльза смотрела на утомленное, но счастливое лицо дочери со смешанным чувством одновременно и радости, и грусти. Ее маленькая девочка стала совсем взрослой. Она вытянулась, детская пухлость постепенно исчезала. Зо-

лотистые волосы еще больше посветлели и обрамляли узкое смуглое лицо. Эльзу и радовало, и пугало, что дочка вырастает. У Амьен появились новые друзья, свои интересы. Все реже она прибегала к матери и обнимала ее в поиске силы и поддержки. Хотя, с другой стороны, одиночество взрослости со временем становится уделом каждого человека, даже если он заводит большую семью. И все равно Эльзе было страшно представить свою малышку Амьен в огромном мире, полном неведомых опасностей и грядущих испытаний. К тому же девочка уже почти не делилась с ней своими мыслями и заветными мечтами, как это было раньше. Лишь иногда, во время совместной работы по выходным, проблеск былой близости проскакивал между ними. Для Эльзы это было как глоток свежего воздуха, подтверждающий нужность своей дочери.

Как-то раз Амьен помогала матери мариновать овощи на зиму. Она украдкой взглянула на утомленное лицо Эльзы, смахнувшей прядь волос. Ее лоб покрылся капельками пота от усилий, с которыми она запихивала в кадку огурцы и зелень. Амьен поколебалась немного, а потом спросила:

— Мам, а как ты считаешь, если чего-то очень хочешь, это сбудется?

Эльза теперь плотно укладывала в кадку перцы вперемешку с баклажанами и томатами. Она старалась уплотнить овощи так, чтобы не осталось ни малейшего зазора. Амьен перемешивала специи, перетирая их специальным каменным пестиком. Она подумала, что, наверное, так старались егип-

тяне, подгоняя плиты одну к другой во время строительства пирамид, тщательно перетирая глину.

Эльза прервала свою работу, выпрямила затекшую спину и задумалась, после чего неторопливо ответила:

— Если очень хочешь и веришь, то сбудется. Только иногда то, что мы для себя хотим, не всегда приносит нам пользу.

Амьен прекратила мешать и опустила вдоль тела уставшие и измазанные в специях руки:

— Но если мы не попробуем получить желаемое, которое нам, как ты говоришь, может быть не очень полезно, мы все равно будем несчастны? А так мы хотя бы узнаем, что попытались.

Эльза с улыбкой посмотрела на дочь:

— В твоём возрасте я именно так и думала. Поэтому спустя много лет оставила Айлендхауз и уехала в далекие края. Думала, что никогда в него не вернусь. Что найду свою любовь и свое призвание в этой жизни. Однако я вернулась без любви и без профессии. И вот сейчас работаю на кухне в чужой семье. Но если отмотать прожитое назад и что-то поправить, я бы не поменяла ни одной страницы в своей жизни. Ведь тогда у меня могло бы не быть тебя.

Амьен прихрамывая подошла к Эльзе и прижалась лбом к ее плечу. Она потерлась о него, как маленький зверек, как раньше делала в детстве:

— А какое все-таки у тебя заветное желание теперь? Она

лукаво посмотрела на Эльзу и добавила:

— Я ведь у тебя уже есть, поэтому ты просто можешь придумать желание с этого момента и мечтать, чтобы оно исполнилось?

Эльза засмеялась:

— Ты же знаешь, что мое заветное желание — это твое счастье. Для себя я хочу только одного: как следует выпасться в воскресенье.

Потом посерьезнев, она с горечью добавила:

— Мне иногда становится страшно от того, что у меня пропали заветные желания. Теперь у меня нет сил и смелости на мечту. Я иногда чувствую себя пустой оболочкой, которая ничем не заполнена, кроме ежедневной суеты. А иной раз мне кажется, что я как тяжелый замшелый камень, который повидал на своем веку столько, что у него даже нет мысли сдвинуться с места.

И она чмокнула Амьен в нос:

— Поэтому, пока ты можешь мечтать — делай это на полную катушку! Я, по крайней мере, себе ни в чем не отказывала в детстве.

Промелькнул ноябрь и на дворе уже замаячил декабрь. Стало холодать, лужи на улице по ночам прихватывал первый мороз. Зима в этом году была поздняя и без снега, так что листья в саду возле дома Пьемона опали и лежали темным ковром на земле. Теперь девочка встречалась со старым ювелиром реже и только в его мастерской. У старика к

приходу Амьен всегда оказывалось что-нибудь вкусное. Когда мастер наконец откладывал в сторону свои инструменты, они подолгу засиживались за лимонным пирогом или бисквитными пирожными с чаем.

После ухода Амьен, когда ювелир оставался один, он долго сидел неподвижно, глубоко задумавшись о чем-то перед пылающим камином. Лишь иногда, в полнолуние, на него нападала неясная тревога. Тогда он доставал из потайного сейфа потертую коробочку, в которой сверкал синим огнем старинный камень. Мастер надевал его на руку и грустно смотрел на сверкающие искры сапфира. Шептал какие-то слова, а потом с отчаянием снимал кольцо и прятал его до следующего раза, когда полнотелая красавица луна опять взойдет на темный лик небосвода.

ПЕРВОЕ ЧУДО САПФИРЫ

Шли дни и недели, приближался очередной Новый год в Нордбридже. Время пролетело незаметно. Не успела Амьен оглянуться, как оказалось, что они прожили в этом городе целых пять лет. В декабре девочка должна была справить свой тринадцатый день рождения.

Она была счастлива и иногда ей казалось, что все ее мечты исполнились и глупо мечтать о чем-то еще. Амьен по-прежнему исправно, хоть и без всякого удовольствия ходила в городскую школу для бедных детей. А после учебы в мастерской старого ювелира она с радостью осваивала секреты ювелирного дела, изучала историю искусств и основы философии. Девочка уже неплохо владела инструментом, и Пьемон весьма гордился успехами своей юной ученицы.

В середине декабря они вместе с Пьемоном сходили на рынок и притащили домой огромную ель, которую украсили сверкающими бусами и звездами. Вечером накануне Рождества и своего дня рождения девочка забежала поздравить своего учителя. Эльза связала для него шарф, а Амьен испекла имбирные пряники. Она сделала их в форме разных домиков.

Пьемон немедленно повязал шарф и принялся рассматривать пряники:

— Прямо жалко их пробовать. Может быть, давай начнем с моего угощения?

Старик ждал ее прихода и уже накрыл стол. Там лежали пирожные с кремом и взбитыми сливками, а рядом целая тарелка крошечных бутербродов с ветчиной и сыром. Амьен целый день помогала матери с рождественским ужином и почти ничего не ела. Она с жадностью накинулась на еду, а старик разлил в две кружки горячий чай. Подняв свой дымящийся напиток, он с улыбкой посмотрел на уплетающую за обе щеки девочку. Пьемон торжественно произнес:

— Моя дорогая Амьен! Я беспрельдно счастлив, что встретил тебя. Я уже старый человек и мне трудно ждать новых чудес. Однако судьба подарила мне такой подарок, о котором я не смел и мечтать.

Он откашлялся и продолжил:

— Я хочу поздравить тебя с чудесным праздником Рождества и твоего дня рождения. Мне кажется, не случайно они совпали. В этом определенно есть какое-то знамение. Я дарю тебе в эти два праздника один, но по-настоящему волшебный подарок.

Под елкой лежала небольшая коробочка, завернутая в блестящую бумагу. Амьен разорвала упаковку и увидела старинный футляр, обтянутый потертым зеленым бархатом. Неожиданно ее сердце забилося часто-часто. Дрожащими руками она открыла коробку и ахнула. В ней лежал тяжелый чеканный перстень. Она повернула его в руках и в огнях

свечей блеснул темно-синим светом моря лучистый сапфир. Кольцо казалось огромным, но когда девочка надела его на палец, оказалось совершенно впору.

— Помнишь ли ты, родственником какого камня является сапфир?

Амьен, продолжая разглядывать кольцо, заворуженно крутила его перед глазами, тут же ответила:

— Рубина конечно же.

— Умница, я рад, что не забываешь наши уроки. А если вспомнить историю о геральдическом символе первого короля Франции, — уточнил Пьемон.

— Ну конечно, ведь это же ирис! — воскликнула Амьен, рассматривая узоры цветов, обрамляющих камень.

Однако почти тут же на ее лице появилось сомнение. Она практически бросила кольцо обратно в коробку и отодвинула от себя. Было видно, что слова даются ей с трудом:

— Это очень дорогой подарок, Пьемон. Я ведь помню из твоих уроков, что сапфир и рубин — это очень дорогие, царские камни. Я не смогу принять такую вещь.

Мастер покачал головой:

— Ты запомнила мои уроки, но не все. Я рассказывал тебе о ценности камней не с точки зрения их цены. Денежная стоимость имеет значение лишь для тех, кто ценит богатство и власть. Для меня же камни бесценны своими магическими свойствами, своей таинственной историей и властью менять судьбы людей. А если так, то ты должна принять мой пода-

рок — он идет от самого сердца. Ведь я полюбил тебя, как родную дочь.

Он помолчал немного и продолжил:

— Когда-то давно я был молодым и мне казалось, что я точно знаю, что я хочу в жизни. Мне повезло и я, как и мои родители, выбрал путь ювелира. Этот путь открыл передо мной красоту и богатство, а чуть позже и мудрость. К сожалению, выиграв в своем творчестве, я проиграл в любви. Моя семейная жизнь не сложилась. Я причинил страдания не только себе, но и дорогим мне людям. Я потерял свою невесту, не обзавелся детьми. Моя жизнь прошла в одиночестве. И так было до того момента, как я встретил тебя.

Он протянул ей обратно коробку:

— Сегодня я дарю тебе простое кольцо. У него даже есть имя — Сапфира. Это волшебная вещь, которая передается в нашем роду из поколения в поколение. Она усилит твою силу и поможет тебе сделать правильный выбор в непростой ситуации. Сапфира приносит удачу своему владельцу. Кольцо поможет тебе стать сильнее! Почему-то я верю, что это тебе скоро понадобится.

Девочка завороченно крутила кольцо на пальце, любуясь его старинными узорами. Она сразу и безоговорочно поверила Пьемону. Когда она держала Сапфиру в руках, в ней поднималась какая-то теплая энергия. Она как будто давала ей смелость ступить на новый путь или начать великое дело.

После чаепития Пьемон стал мыть посуду, а Амьен про-

должала сидя под елкой разглядывать свой подарок. Она вертела кольцо в руках, присматриваясь к играющим на свету синеватым граням. И невольно у нее вырвался вопрос:

— Неужели оно и правда волшебное?

Он улыбнулся и не отрываясь от перетирания чашек, ответил:

— Волшебное, но только в тех руках, которые позволяют ему быть таким.

Но Амьен продолжала пристально смотреть на него. Почувствовав ее взгляд, он продолжил:

— Сапфира сама выбирает, кому дать силу. А кому нет. В тебе есть что-то, что она посчитает заслуживающим ее внимания: талант, способности, добрые желания. Но ты не должна злоупотреблять ею. Нужно уметь рассчитывать на свои силы. А к помощи чуда прибегать только тогда, когда исчерпаны все другие возможности.

Он подумал еще немного, какой пример можно привести:

— Вот смотри! Мы постоянно пользуемся ногами. Поэтому у нас сильные мышцы, которые помогают нам ходить, бегать, приседать, прыгать. Но как бы хорошо мы ни двигали ногами, мы не сможем за короткое время попасть пешком на далекие расстояния. Для этого лучше воспользоваться лошадью, или автомобилем, или кораблем. Но если перестать ходить, а двигаться только с помощью машин, то наши мышцы ослабнут. Суставы начнут болеть, и мы потеряем способность передвигаться самим. Так и с Сапфирой. Прибегай к

ней только тогда, когда тебе нужна настоящая, чудесная помощь. Договорились?

Амьен кивнула:

— Хорошо ты объяснил про ноги. Иногда, когда больная нога сильно болит, я начинаю больше делать упор на здоровую ногу. Но потом она начинает болеть уже иначе, как будто ослабла и в ней нет силы. Я поняла про Сапфиру. Приятно, что у тебя есть какая-то защита, секретное оружие, чтобы быть самой сильной и умной. Но в то же время мне хотелось бы выучиться самой, чтобы было чем гордиться.

Уже давно стемнело, и Пьемон собрался проводить Амьен. Но уже в прихожей, надевая пальто, он застонал от боли. На этой неделе его скрутил сильный приступ ревматизма, который так и не прошел. С помощью Амьен он, скрючившись, еле добрался до кровати. Ничего нельзя было поделать, и Амьен пришлось идти домой одной. Она пообещала ему быть аккуратной. Было уже поздно, никогда раньше она не задерживалась в гостях так надолго. Уже у двери она вытащила незаметно Сапфиру и надела ее на палец, а сверху натянула свои любимые варежки. Накинув легкое пальтишко, девочка выскочила в снежную пургу. Настоящий буран поднялся ветром с моря и закружил белые хлопья снега на улице, пока они мирно пили чай в теплом доме.

Не успела Амьен отойти и нескольких шагов, как дорогу ей преградил высокий человек. Он был в темном плаще, с закрытым темной повязкой лицом. Незнакомец резко притя-

нул ее к себе, схватив ее руки одной рукой. Другой зажал ей рот. Он поволок ее за угол дома в темный переулок. Амьен сперва оцепенела от страха. Потом она попыталась закричать, но стальная рука еще сильнее впилась в лицо, перекрывая дыхание. Напавший вытащил нож, но девочка извернулась. Варежка соскочила и кольцо повернулось на пальце, сверкнув в свете уличных фонарей синим огоньком. Девочке показалось, что она выросла вдвое и во столько же раз увеличились ее силы. Она резким движением стряхнула руки бандита и ударила его со всего размаху в лоб рукой. Удар пришелся наотмашь, так что кольцо пропечаталось на коже. Послышалось шипение и повалил беловатый дым. Нападавший приглушенно вскрикнул, согнулся пополам и беззвучно упал на землю. Она бросилась бежать и через несколько минут уже оказалась на освещенном проспекте. Девочка не останавливалась до самого дома и только уже у себя на крыльце, переводя дыхание, она попыталась понять, что же с ней произошло.

Лежа в постели она подумала, что ей важно расспросить обо всем Пьемона. Как она смогла победить бандита с помощью кольца? Почему у нее появилась нечеловеческая сила? Как нужно командовать Сапфирой? Вопросов было больше, чем ответов. Нужно как можно скорее встретиться с Пьемоном!

Но разговор их состоялся нескоро. Битва на морозе не прошла бесследно. Амьен свалилась с сильнейшей ангиной

на несколько недель. Так что Новый год остался в ее памяти бесконечным чаем с малиновым вареньем и горячей грелкой в ногах. По всей видимости, как ни сильна была Сапфира в битве с преступниками, но защитить свою владелицу от простуды все же была не в силах.

Амьен попала к Пьемону в гости в середине января. Он обрадовался девочке, ведь не видел ее почти месяц. С того момента, как она ушла, его терзали тяжелые мысли. Наутро он послал соседского мальчишку в дом бургомистра. Тот вернулся вскоре и доложил, что девочка с матерью дома, все в порядке. И на сердце у Пьемона отлегло, хотя непонятные страхи теперь стали нападать на него по ночам.

Амьен почти сразу задала мучавший ее вопрос:

— А Сапфира действительно волшебное кольцо? Пьемон вскинул на нее глаза:

— Почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?

Амьен сначала не хотела рассказывать. Но воспоминания о нападении мучили ее даже спустя столько времени. И она кратко пересказала Пьемону, что случилось той злополучной ночью.

Она даже представить себе не могла, что он будет так раздавлен ее известием. Несколько раз он попросил ее повторить, как выглядел напавший на нее незнакомец. Бросив инструменты, он попросил ее оставаться на месте. Мастер выскочил из дома, накинув на плечи подбитый мехом плащ.

Его не было довольно долго, так что Амьен, томившаяся

от безделья, вытащила с полки какую-то книгу и углубилась в чтение. Хлопнувшая входная дверь заставила ее вздрогнуть.

— Куда ты уходил? Почему тебя не было так долго? — накинута она с расспросами.

Пьемон выглядел постаревшим на несколько лет. Но лицо его выражало удовлетворение, теперь он был более-менее спокоен:

— Я узнал про этого человека. Он больше тебя не побеспокоит. Это был заезжий бандит.

И как бы предупреждая ее дальнейшие вопросы, он пожегся:

— На улице мороз, а я что-то легко оделся и продрог. Выпьем горячего чая с чем-нибудь вкусеньким?

Видно было, что он пытается уйти от неприятного разговора. Амьен решила не сдаваться:

— Почему Сапфира дала мне такую силу, с которой я смогла победить этого взрослого мужчину?

Пьемон вопросительно уточнил:

— Может быть, кольцо ни при чем. А он просто поскользнулся и упал.

От обиды Амьен топнула и тут же поморщилась. Больная нога давала о себе знать:

— Хватит держать меня за ребенка! Сперва ты мне даришь кольцо, которое называешь волшебным. А потом делаешь вид, что нападение — это простая случайность. И здо-

ровый жлоб, всего лишь поскользнулся и упал. В конце концов, это на меня набросились с ножом той ночью! И я хочу знать, что происходит!

Пьемон устало вздохнул, стянул с себя плащ и присел на диван:

— Когда я передал тебе Сапфиру, я хотел защитить тебя. Кто же мог подумать, что это привлечет внимание людей, от которых лучше держаться подальше. Как я тебе говорил, кольцо дает необычную силу своему владельцу. Но есть одна особенность. Оно смертельно опасно для чернокнижников и сатанистов. Если к нему прикоснется человек с черной душой, то кольцо подействует на него как смертельный яд.

Амьен вздрогнула, вспомнив, как зашипела и задымилась кожа на лице у напавшего на нее бандита. Она уточнила, запинаясь на каждом слове:

— Получается, я убила его?

Пьемон стремительно поднялся, подошел к ней и прижал к своей груди:

— Нет, ты здесь ни при чем. Кольцо лишь довершило то, что этот человек сам сделал с собой. Он продал свою душу темным силам. Подумай сама, как могла маленькая девочка убить прикосновением? Может быть, он еще и жив. Тела его не нашли. Вероятно, он очнулся и убрался восвояси без своей воровской добычи.

Но Амьен не выглядела успокоенной. Она с сомнением проговорила:

— Я уже не очень рада, что стала владеть волшебной, но такой опасной вещью.

И затем добавила, умоляюще глядя на Пьемона:

— Давай я тебе верну Сапфиру? У тебя она будет в более надежных руках.

Но Пьемон покачал головой:

— Она выбрала тебя. Это кольцо служит только одному хозяину. Мне оно не подчиняется уже очень много лет. Твоя внезапная сила во время борьбы как раз говорит о сделанном кольцом выборе. Иногда в этой жизни выбираем не мы, а нас. Это становится нашим предназначением или жребием.

Не в силах вынести расстроенного выражения на лице Амьен, Пьемон пожал ей руку и с уверенностью сказал:

— Я твой самый преданный друг. Ты мне как родная дочь. И я готов положить за тебя жизнь, если придется. Поверь, Сапфира должна быть с тобой всегда. Это твой охранный оберег, твой ангел-хранитель. В свое время ты в этом убедишься.

Амьен тяжело вздохнула. Она привыкла слушаться Пьемона. Поэтому решила и сейчас принять его слова на веру. Но что-то подсказывало девочке, что с приходом в ее жизнь такого чуда у нее появятся не только могущественная защита, но и серьезные враги.

ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА АМЬЕН

Весна в этом году была поздняя. В середине апреля в городских парках еще лежал снег. Директор школы, где училась Амьен, объявил о новых правилах. Если раньше всех детей переводили из младших классов в старшие, то теперь придумали какие-то экзамены. По их результатам было решено делать распределение на сильных и слабых учеников. Все обсуждали нововведение — кто-то бурно радовался, а кто-то страшно переживал. Амьен терпеть не могла свою школу и своих одноклассников, поэтому восприняла новость без энтузиазма и волнения. Она далеко обогнала своих одноклассников благодаря дополнительным занятиям с Пъемоном, и учеба не отнимала много времени. Однако дни были заняты до отказа, поскольку ей приходилось помогать матери по хозяйству. У Даниэля родилась еще одна сестра, так что работы в доме прибавилось. Она готовилась к экзаменам вполсилы, однако сдала их досрочно на отлично уже в начале мая.

Теперь, к счастью, впереди были каникулы. А ненавистную школу можно будет забыть до следующего сентября. Девочка почувствовала себя посвободнее. В последнее время она забегала в ювелирную мастерскую ненадолго. Поэтому в один из дней она отпросилась у матери пораньше. Амьен

уже предвкушала, как они затеют с Пъемоном какой-нибудь увлекательный разговор о драгоценных камнях или великих империях, о красивейших дворцах мира и тайнах их обитателей. С Пъемоном можно говорить о чем угодно!

Ювелир как будто ждал ее. Он пригласил ее в свой кабинет и открыл сейф, встроенный в шкаф с книгами, и достал оттуда объемную коробку. Пьемон поставил ее на стол и придвинул к девочке:

— Пока ты училась, я приготовил тебе задачку. С ней ты должна справиться без Сапфиры.

Амьен ахнула и всплеснула руками:

— О господи! Я такого даже представить не могла.

На упаковке был изображен макет католического храма. Амьен видела такую коробку в магазине художественных предметов и стояла она целое состояние! Это был Собор Святого Петра в Риме — с воздушной колоннадой и широкой соборной площадью. Все мелкие детали были прорисованы на фасаде здания с тщательностью, не оставляющей сомнений в полной достоверности. Перед входом в собор художник даже изобразил миниатюрный вертеп с рождественской елкой и окружившие его фигуры горожан.

Пьемон удовлетворенно взирал на произведенное впечатление:

— Я помню наш с тобой разговор про архитектуру. Ты тогда сказала, что всегда мечтала строить красивые дома, соборы, музеи, больницы. Чтобы людям было радостно там жить

и работать. Я вижу в тебе бесспорный талант ювелира. Но не могу не признать, что ты также способна в проектировании и черчении. Этот макет для профессиональных архитекторов. Принимаешь вызов?

Амьен хлопала глазами, не в силах вымолвить ни слова. Не дождавшись ответа, Пьемон продолжил:

— Впереди май и целое лето, у тебя как раз каникулы. Я хотел предложить начать собирать модель летом. Как раз сравнишь с ювелирным искусством и поймешь, что на самом деле твое. Что скажешь?

На это Амьен было нечего сказать, кроме как броситься на шею Пьемону, радостно повторяя:

— Я буду строить как архитектор! Целое лето! Вместе с тобой! Вот это счастье!

С этого дня она выкраивала каждую свободную минутку и мчалась в мастерскую. Пьемон обычно занимался заказами, но в случае, когда была нужна его помощь, он всегда находил время и для Амьен. У собора уже были возведены несущие стены и перекрытия. Впереди предстояла самая тяжелая и интересная работа — обустройство центрального нефа, украшение балюстрад. Напоследок оставались декоративные элементы внутреннего убранства и крыша с куполом и фигурами апостолов. Засыпая по вечерам, девочка продолжала мысленно строить величественное здание. Зачастую она отпускала фантазию на волю и уходила от первоначального замысла создателя собора в дальние дали. С об-

легчением она поняла, что теперь нашла именно то, что делает ее счастливой. Оставался лишь один вопрос — как она, дочь небогатой кухарки, сможет когда-нибудь стать архитектором?

АКАДЕМИЯ ВЫСОКИХ ИСКУССТВ

Амьен любила весну в Нордбридже почти как море. Когда вишневый сад у здания мэрии цвел розово-белой воздушной пеной. Владельцы кафе и ресторанов выставили на улицы колченогие деревянные столики. Они накрыли их пожелтевшими от времени кружевными салфетками и украсили букетами сирени. Улицы были заполнены туристами. Их всегда было немало в Нордбридже. Но в это время года они просто наводнили город в преддверии отборочных экзаменов детей в Академию высоких искусств Астрополис. Все обсуждали предстоящие экзамены и гадали, какие испытания в этот раз приготовила приемная комиссия. Ведь самое сложное для поступающих заключалось именно в отсутствии каких бы то ни было правил. Каждый раз испытания новичков были самыми разными. Недостаточно было изучить какой-то предмет, подготовиться к экзамену или тесту. Директор школы и три профессора определяли индивидуальные вопросы для каждого и принимали решение, которое не основывалось на оценках или баллах.

Бургомистр вчера лично поехал на экзамен с Даниэлем. Амьен видела в окно, как они вернулись вечером радост-

ные. Эльзу попросили накрыть к ужину праздничный стол и приготовить закуски. Девочка не вышла к столу, сославшись на усталость. Когда вечером Даниэль зашел к ней, она притворилась, что уже спит. Было стыдно, но приходилось признать, что ее терзала самая настоящая черная зависть. И испытывала она ее к своему лучшему другу.

Стать архитектором было ее второй заветной мечтой после желания найти отца. Начав строить макет настоящего собора, она точно поняла, что в этом и состоит ее призвание. Но она также знала, что это невозможно. Ведь учиться этой профессии можно было только в специальной школе. А потом в университете. Или в Астрополисе, что было вообще идеальным заведением для получения этой специальности. Им же с Эльзой по средствам только общегородская школа. После нее она сможет устроиться работать горничной или продавщицей в лавку. А в лучшем случае, помощницей по хозяйству или поваром, как Эльза.

С этого дня она стала избегать Даниэля, рано утром убегая к Пьемону. Сад около его дома уже ожил после зимней спячки, и они встречались теперь под цветущей вишней. Мастер сильно сдал за последнее время. Он часто кашлял и выглядел бледным. В середине мая деревья около его дома окрасились в нежные бледно-розовые оттенки. Цветущие бутоны были похожи на взбитые сливки или пенку от варенья, которое варила Эльза каждое лето.

В один из дней рядом с ними на соседней скамейке рас-

положилась зажиточная семья с мальчиком лет тринадцати, ровесником Амьен. Они захлеб обсуждали Астрополис:

— И вот профессор Мирадор попросил меня показать на карте неба созвездия нашей Галактики. Я от волнения забыл все названия.

Это был невысокий черноволосый мальчик с раскосыми глазами и смуглой кожей, в нелепых больших очках, которые сползали ему на кончик носа, так что он постоянно их поправлял. Он взволнованно ходил взад и вперед перед родителями, обнявшимися на скамейке, и с упоением пересказывал еще и еще. Отец повернулся к матери и нежно положил руку ей на плечо:

— Подумать только! Этьен поступил, да еще в предпоследний день экзаменов. Это какое-то чудо!

Амьен почувствовала горечь, подкатившую к горлу. Ее раздражал этот самодовольный мальчишка. То, что он будет учиться в ее школе. И у него есть отец, который любит и гордится им. Чтобы не выдать своих чувств, она хмыкнула и отвернулась от них, пробормотав сквозь зубы:

— Подумаешь, тоже мне, астролог.

— А ты бы хотела?

— Чего?

Пьемон улыбнулся:

— Хотела бы учиться в Астрополисе?

Амьен презрительно скривила губы в насмешливую улыбку:

— Еще чего, мне и здесь хорошо!

Но потом весь ее задор улетучился, и она честно призналась:

— Конечно хотела бы! Это моя мечта! Но она не для меня, а для детишек богатеньких родителей. К тому же завтра последний день экзаменов. А для меня это был последний шанс, ведь туда берут детей не старше тринадцати лет. В следующем году, даже если мы разбогатеем, меня уже в любом случае не возьмут.

Пьемон сочувственно кивнул:

— Да, действительно, если поступать, то сейчас. Но ты не совсем права насчет денег. Насколько я знаю, в Астрополис принимают не за богатство, а исключительно за творческие способности и таланты. У тебя они есть. Поэтому я не понимаю, почему бы тебе не попробовать?

Он пытливо посмотрел на Амьен в упор, а она тяжело вздохнула:

— Да уж, берут туда за таланты, это правда. Но учеба стоит огромных денег. У нас с мамой таких нет. Да что там говорить, у нас даже на дополнительные уроки рисования денег нет.

И она обреченно добавила:

— Все, что мы можем себе позволить — это бесплатная городская школа для бедных, после которой я смогу устроиться в горничные.

— Почему ты так решила?

— Потому что мы не богаты. И ты это прекрасно знаешь.

Пьемон задумчиво покачал головой. Он строго, как никогда до этого не разговаривал с Амьен, произнес:

— Я думал, что хорошо тебя изучил. Что ты не только талантливая, но и смелая. Но я очень сильно ошибся. Сейчас ты говоришь, как трусиха. Мне очень горько это осознавать.

Амьен внезапно разозлилась. Она вскочила как ужаленная со скамейки. Ее щеки покраснели, и она закричала ему прямо в лицо:

— Ничего я не трусиха! Ну а ты, что бы сделал на моем месте?

Тут Пьемон улыбнулся и совершенно спокойно сказал:

— Что сделал бы я? Я бы в любом случае попробовал сдать экзамен. Проверил бы свои силы. Кто знает, как повернется колесо судьбы. Ты ведь ничем не рискуешь, когда просто сдаешь экзамен? Если я не ошибаюсь, он проводится совершенно бесплатно. Или деньги для тебя оправдание? И ты просто боишься, что окажешься недостаточно умной?

Амьен упрямо тряхнула волосами и высоко подняла подбородок:

— Еще чего! Кто это боится? Вот возьму и пойду прямо завтра на экзамен!

Пьемон примирительно коснулся ее руки:

— Я не хочу настаивать, чтобы ты что-то попыталась доказать мне. Ты сама для себя должна решить, хочешь ты этого или нет. А я в тебя верю. Безоговорочно и на все сто про-

центов!

Амьен шла домой в каком-то опьянении. Так бывает, когда долго бегаешь во дворе с соседскими мальчишками, а потом резко останавливаешься, так что кружится голова. Она сказала Пъемону, что завтра пойдет на экзамен. Но она даже не представляла, что нужно там отвечать. И вообще, куда надо идти. Матери Амьен так и не решилась довериться. Утром она встала раньше всех. Предвидя беспокойство домашних, она написала Эльзе короткую записку. Для храбрости надела свое счастливое платье, в котором справляла день рождения в этом году. На цыпочках, затаив дыхание, она уже почти вышла из комнаты. Как вдруг вспомнила про Сапфиру. Капелька удачи ей совсем не помешает сегодня! Она быстро вернулась в комнату, залезла в свой тайник под кроватью и достала потертую коробочку. Она не трогала ее очень давно, а если быть точной, то как раз со своего последнего дня рождения. Камень тускло мерцал в темной комнате. Но когда она надела его на палец и повернула, на него видимо упал луч утреннего солнца. Синий сапфир заискрился. Переливами и брызгами света он осветил их скромную комнату. Уже на выходе Амьен перевернула кольцо камнем внутрь ладони, чтобы не смущать окружающих таким дорогим украшением.

Когда Амьен шла по пустынной улице, ей казалось, что редкие прохожие смотрят на нее с любопытством и даже насмешкой. Как будто они знают, что дочь кухарки решила попытаться поступить в Академию высоких искусств! Но она

отогнала от себя эти мысли с улыбкой. Кому такое в голову придет? А если даже и придет, то кто про нее знает. Может быть, она гениальный художник, будущий автор бесценного шедевра. Или архитектор, который построит лучший на Земле сказочный город. Эта смелая мысль придала ей прилив нереальной энергии. Она буквально ворвалась в здание Академии, где должны были проходить экзамены. К ее удивлению, школа была пустой. Чтобы не передумать, она быстрым шагом миновала зал. И попала в темный коридор, увешанный старинными картинами в тяжелых золотых рамах. Она попыталась зайти в один кабинет, потом в другой. Но все двери были заперты.

Амьен остановилась в нерешительности. Вокруг стояла гробовая тишина, и только в самом конце коридора слышался тихий разговор. Она дошла до тяжелой дубовой двери и постучалась. Ответа не последовало. Девочка с трудом приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Вдоль всей комнаты стояли темные деревянные шкафы. От самого пола до потолка они были уставлены рядами книг. Тяжелые бордовые занавески почти не пропускали лучи утреннего солнца. И только теплое мерцание камина, да горящие на столе свечи создавали здесь приглушенный свет. Все здесь заставляло забыть о времени и суете. Амьен подумала, что в этой уютной библиотеке можно было сидеть над книгами бесконечное количество часов.

— Доброе утро, девочка. Ты что-то хотела?

На нее с любопытством смотрел старый профессор. Наверное, ему было лет сто, с короткой седой бородой, в черном атласном камзоле с выглядывающими белыми кружевными манжетами и платком, закрепленным серебряной пряжкой- листом на шее. Он сидел за дубовым столом, обитым зеленым бархатом. Перед ним лежала раскрытая книга, с занесенным в руке пером, видно, он что-то писал, но приход девочки отвлек его от этого занятия. Амьен с трудом протиснулась в дверь и теперь уже нерешительно встала перед входом. В ее голове пронеслась мысль: «Интересно, и что я ему скажу?» Но она решила довести дело до конца. Откашлялась и быстро выпалила:

— Добрый день! Меня зовут Амьен. Я пришла на экзамен в Астрополис.

Старик отложил перо и принялся молча рассматривать ее. Он нахмурился, сдвинув лохматые брови. Но в его глазах девочка увидела пляшущие смешинки.

— Вот как? Вообще-то последние экзамены закончились вчера.

Амьен поникла:

— Значит, я опоздала?

Старик продолжал смотреть на нее, теперь уже улыбаясь. И кивая, как будто самому себе:

— Впрочем, этого следовало ожидать.

Амьен не могла понять, чего следовало ожидать. Опоздала! Все ее планы рухнули. А главное, она так и не смогла ис-

пытать себя!

Старик тем временем обернулся к человеку, одетому в черный плащ. Тот неподвижно стоял у задернутых плотных бордовых штор, почти сливаясь с ними. В комнате было довольно темно, поэтому Амьен после яркого уличного света не заметила, что в библиотеке есть кто-то еще:

— Вот видите, профессор Мирадор! А вы сомневались. Я отчего-то уверен, что это именно та, кого мы ждали.

Человек у окна обернулся. Это был благородного вида красивый молодой мужчина, с темными волосами и очень бледным породистым лицом. Его желтоватые глаза презрительно уставились на Амьен, так что девочка невольно съехала. Он насмешливо хмыкнул:

— Профессор Веллингтон, при всем моем уважении. Я отнюдь не разделяю вашего оптимизма. Конечно, как директору школы, вам хочется соблюсти все правила. Особенно сейчас. Но боюсь, это не тот случай.

Он кинул на Амьен холодный взгляд, как на пустое место, прошел к столу, уселся с книгой в кресло и принялся читать как ни в чем не бывало. Старика же слова профессора Мирадора совершенно не смутили. Напротив, как будто вдохновили. Он подошел к Амьен, взял ее за руку и повел к креслу возле камина.

— Проходи, дорогая Амьен. Не смущайся. Дело в том, что у нас действительно вчера был последний день, когда можно было поступить в Астрополис. Но так уж случилось, что один

из учеников, сдавших экзамен, по серьезным причинам был вынужден отозвать свои документы. Таким образом, у нас образовалось последнее свободное место.

Не дав опомниться Амьен, которая от полного разочарования опять вознеслась к вершинам надежды, он продолжил как ни в чем не бывало:

— Итак, чашечку чаю с пирожными?

Старик говорил дружелюбно и спокойно, как если бы они встретились по-соседски за ужином:

— Я не знаю, какие любишь ты. Лично я обожаю лимонные тарталетки с ванильным кремом. Однако серьезно опасаясь, что именно сегодня мадам Помпон решила лишить меня моего любимого лакомства. Она знает о моем пристрастии. И считает, что надо иногда избегать именно того, что доставляет нам удовольствие. Специально для сохранения вкуса к жизни. В философском аспекте я с ней согласен. А вот в гастрономическом не вполне.

Девочка еще не пришла в себя от холодного приема профессора Мирадора, а потому она была абсолютно озадачена таким поворотом разговора. Амьен была готова к тому, что ей скажут написать сочинение, решить математическую задачу или нарисовать рисунок. Но пить на экзамене чай с пирожными вместе с директором самой известной школы в мире? Такого ей в голову прийти совершенно никак не могло.

Она села на краешек мягкого кресла. Тут же перед ней оказалась чашка ароматного дымящегося чая и тарелка ска-

зочных фруктовых тарталеток с малиной, клубникой и голубикой. Веллингтон тем временем отошел к дальнему шкафу и тут же вернулся. Он нес на руке какую-то совершенно необыкновенную птицу. Ее синее оперенье переливалось от ярко-голубого до темно-фиолетового. Хохолок на голове напоминал корону. Птица наклонила голову вбок. Ее сапфировые глаза внимательно рассматривали девочку. Профессор нежно погладил птицу по голове и сказал:

— Познакомься, Амьен, это Файрмун, птица Синь. Она живет в Астрополисе со времен основания школы и именно она решает, кто достоин в ней учиться. Внезапно птица заговорила:

— Приветствую тебя, Амьен, дочь истинного мастера. Я ждала твоего прихода. Наконец нам пришла пора встретиться!

Амьен от удивления сначала не нашла слов, но потом вежливо поклонилась:

— Доброго дня, уважаемая Файрмун. И я рада знакомству. Но почему вы назвали меня дочерью мастера?

— Потому что ты продолжаешь великий род великих мастеров.

Амьен даже задрожала от волнения и почти выкрикнула:

— Вы знали моего отца? Кто он?

— Ты все узнаешь в свое время. Но твой приход сюда не случаен.

Веллингтон, молча слушавший этот разговор, улыбнулся

сквозь свою белую бороду:

— Что же, наверное, нам пора вернуться к испытанию? А то уж скоро полдень, а набор в школу до сих пор не окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.